

Санкт-Петербургский государственный университет

МОРОЗКИН Илья Иванович

Выпускная квалификационная работа

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ
ЗАПАДНОЙ ПОЛЬШИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Основная образовательная программа магистратуры
«География»

Профиль: экономическая и социальная география

Научный руководитель:

Старший преподаватель

Зиновьев Андрей Станиславович

Рецензент:

к.г.н. Ачкасова Татьяна Анатольевна

Санкт-Петербург

2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения социально-политической трансформации	5
1.1 Содержание понятия социально-политической трансформации	5
1.2 Историко-географические особенности формирования территории Западной Польши	17
1.3. Методика исследования социально-политической трансформации территории и Западной Польши.....	31
Глава 2. Трансформация социально-экономических условий Западной Польши	36
2.1. Динамика социально-демографической дифференциации территории Западной Польши....	36
2.2. Динамика экономического развития регионов Западной Польши.....	45
Глава 3. Пространственные особенности политической трансформации Западной Польши	51
3.1. Пространственные различия устойчивых тенденций в массовом избирательном поведении в Польше	51
3.2. Особенности политической культуры Западной Польши.....	62
3.3. Центр-периферийные особенности социально-политической трансформации территории Западной Польши.....	67
Заключение	71
Список литературы	72
Приложения	75

Введение

Изучению данной темы посвящено большое количество исследовательских работ как зарубежных, так и отечественных авторов. Однако социально-политическая трансформация в постсоциалистических обществах изучена недостаточно, и поэтому представляет собой актуальный широкий спектр вопросов, подлежащих глубокому изучению новыми исследователями. В качестве объекта исследования в настоящей работе была выбрана территория Западной Польши, исследование которой в связи со сложной исторической судьбой представляет большой научный интерес. Территория Западная Польша вошла в состав Польского государства по результатам Второй Мировой Войны, после чего стала развиваться в рамках социалистической системы, также актуальность с точки зрения исследования трансформационных процессов обусловлен тем, что на данной территории произошло полное замещение немецкого населения на польское. В качестве переселенцев, которые должны были заново освоить эти территории, выступили этнические поляки, ранее проживавшие на отличающихся друг от друга по культурной среде и особенностям менталитета территориях, что сформировало совершенно новый смешанный тип среды, который обладает своими неповторимыми особенностями. Вместе с крушением социалистической системы, произошли коренные перемены в обществе и радикальная смена общественных институтов, что в очередной раз направило вектор трансформации по совершенно иному пути.

Объект исследования – территория Западной Польши

Предмет исследования – социально-политическая трансформация территории западной Польши

Цель исследования – выявить особенности социально-политической трансформации территории Западной Польши в послевоенный период

Задачи исследования:

1. Изучить теоретико-методологические основы исследования социально-политической трансформации
2. Разработать методику исследования социально-политической трансформации
3. Определить характер трансформации социально-экономических условий Западной Польши
4. Выявить пространственные особенности политической трансформации Западной Польши

Информационной базой исследования выступили данные Центрального статистического управления Польши и Государственной избирательной комиссии Польши.

Настоящая работа основывается на теоретической базе, представленной трудами следующих авторов: Трейвиш А. И., Смирнягин Л.В., Пуляркин В.А., Аузан А. А., Аксенов К. Э., Брадэ И., Бондарчук Е., Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е., Кручковский Т., Рубинштейн Е., Якубчик В., Милякова Л., Шмигель М., Носкова А., Аблажей Н., Блюм А., Самборский Е., Лыкошина Л.

В настоящей работе применяются следующие методы: картографический, сравнительно-географический, аналитический и метод корреляционного анализа в рамках экологического подхода в электоральной географии.

Структура данной работы, обусловленная реализацией основных задач исследования, включает в себя три главы. В первой главе рассматривается содержание понятия социально-политическая трансформация и предлагается методика ее исследования. Во второй главе исследуется динамика социально-демографического и экономического развития территории Западной Польши в послевоенный период. В третьей главе выделяются пространственные различия устойчивых тенденций массового избирательного поведения на выборах в Польше, особенности политической культуры Западной Польши и центр-периферийные особенности социально-политической трансформации Западной Польши.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения социально-политической трансформации

1.1 Содержание понятия социально-политической трансформации

Развитие – понятие, имеющее огромное число значений. Однако применительно к тематике исследования данной работы термин будет рассматриваться как качественный сдвиг в уровне территориальной организации общества. На сегодняшний день существует две полярные концепции развития - универсализм и уникализм. Универсализм исходит из эволюционного единства мира, где все проходят одинаковые стадии на общем пути, но в разное время: лидеры показывают аутсайдерам их будущее. Это линия прогрессистская от титанов Просвещения через К. Маркса, К. Бюхера, Н. Кондратьева к И. Валлерстайну, Дж. Фридману, М. Кастельсу (Трейвиш, 2009). Уникализм или теория «локальных цивилизаций», поддерживаемая такими учеными как Н. Данилевский, О. Шпенглер, русскими евразийцами П. Сорокиным, Л. Гумилевым. Она основывается на стержневом принципе – самобытность «месторазвитий». Н. Я. Данилевский пишет, что развитие или прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одну сторону, а в том, чтобы в разных направлениях исходить все историческое поле человечества (Трейвиш, 2009). С ним солидарен и Шпенглер, который характеризует культуры как автономные, даже взаимно непроницаемые (Трейвиш, 2009). У обеих приведенных выше концепций есть как сильные, так и слабые стороны, которые позволяют рассматривать данный процесс с диаметрально противоположных точек зрения.

В рамках универсализма сравниваются уровни развития стран и на основе результатов сравнения первые ранжируются. Такой прием помогает определить место страны в мировом сообществе, уточнить её позиции и задачи. В противном случае догоняющее развитие теряет всякий смысл, и даже уникалист по своим убеждениям Шпенглер считал, что, к примеру, в Петровской России первой четверти XVIII века, которая первой в мире сознательно встала на этот путь и пыталась догнать не одну страну, а всю Европу. Догоняющий может внедрять готовый чужой опыт сразу в крупном масштабе. Но не исключал неприятие «имплантантов», особенно инокультурных. Универсализм упрощает картину развития, сводя все особенное к версии глобального. Его рецепты чреватые кризисами, ведь он, как конвейерная медицина, лечит болезнь, а не больного, не зная, почему средство одним помогло, а другим нет, почему «отсталые» бьют «развитых» (варвары — Рим, арабы – Византия). Универсализмом часто прикрывают попытки навязать всем одну панацею. Чего стоят датировки общих стадий развития, если они разные? А кого-то не касаются, ибо стадию можно и пропустить. (Трейвиш, 2009).

Уникализм же привлекает идеей, базирующейся на равенстве народов и культур, каждая из которых неповторимая и тем ценна для человечества. Классики уникализма, не будучи последовательными (выделяя великие культуры, они пренебрегали малыми, реликтовыми, дисперсными), прививали социальным наукам вслед за биологическими интерес к разнообразию. Уникализму приписывают следование законам нелинейной логики, универсализму напротив строится на линейной, однако ни та, ни другая не прямолинейны. В рамках обеих концепций оперируют циклами, отличие заключается в том, что универсализм рассматривает их однолинейными и глобальными, а уникализм — обособленными круговоротами по схеме подъем — расцвет — упадок, где смущает отрицание общей линии развития.

Универсалисты, придерживаясь общей шкалы уровней развития и качественных различий традиция-модерн, соглашаются, что страны проходят одни и те же стадии по различным траекториям, обладающими индивидуальностью, иногда возвращаясь к корням. В то время как некоторые уникалисты, за исключением приверженцев ортодоксальных версий, отказываются от тезиса непроницаемости культур. Это наводит на выводы, что представить мировую траекторию по соседству с местными представляется возможным по уровню либо по фазам развития и, следовательно, одно не исключает другое.

Движение вперед и по кругу совмещает модель спирали. В зависимости от положения догоняющего по отношению к лидеру можно либо, в случае, если отставание небольшое, мобилизовать ресурсы и пытаться догнать лидера по уже пройденной им траектории, либо при сильном отставании стремиться сократить путь, в ходе которого образовалась другая уникальная траектория движения, таким образом желая перегнать не догоняя.

Однако важный вопрос – вступать ли в эту гонку? Л. В. Смирнягин выступая на круглом столе по книге А. Г. Вишневого «Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР заметил: лишь «золотой миллиард» считает развитие историческим императивом, полупериферийный «серебряный» миллиард способен к нему, но пасует перед трудностями, а 2/3 землян заняты простым воспроизводством своей жизни. Это миры с разным девелопментизмом, взглядами на время и развитие. Первому миру ближе пафос Гераклита Эфесского: все течет и меняется, нельзя войти дважды в ту же реку. Третьему — библейская мудрость Екклезиаста: все реки текут в море, но море не переполняется; откуда реки текут, туда они и возвращаются, чтобы опять течь. Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое, но это было уже в веках, бывших прежде нас. (Смирнягин, 2002)

На основании вышеизложенного можно предположить, что культуры, исповедующие ценности девелопментализма, движутся по вытянутой оси прогресса, а для их антиподов траектория развития практически сжата в кольцо. Это похоже на разные траектории развития самих миров. (Пуляркин, 2005).

Ядра в мире находятся там, где есть развитие, оно же само формирует центральность. Сложная структура и географическая неоднородность присуща и полупериферии. Рост полупериферийных территорий размывает границы поляризованного мира, усиливая конкуренцию за капиталы, технологии внутри группы. На оставшуюся третью группу приходятся периферийные страны. Иногда также выделяют «зону отчуждения»: изгоев, изолятов. В дополнение к вышесказанному, необходимо отметить, что такой же принцип действует и внутри отдельных стран, поляризуя их территорию в региональном разрезе. Чем страна крупнее, тем неоднороднее, особенно сильно это проявляется в странах полупериферийных, в том числе постсоциалистических, где крупнейшие города зачастую догоняют ядро, но при этом вытягивая ресурсы с периферии и истощая её.

Постсоциалистические страны, относящиеся к полупериферии, на современном этапе находятся в условиях догоняющего развития (catch-up development), и применительно к исследованию проблем развития таких стран часто упоминают "эффект колеи" (path dependancy).

Проблема колеи развития имеет глобальный характер, так или иначе затрагивает экономические институциональные и культурные сферы жизни каждого общества, существующего в нашем мире, относится к разряду проблем мегаэкономического масштаба. В рамках данной проблемы изучаются процессы, которые тянутся сквозь географическое пространство сотни лет.

Первыми, кто предвидел эту проблему, были отечественные ученые-философы начала XX века – марксист Г. Плеханов, вышедший из марксизма Н. Бердяев и православный мыслитель Г. Федотов. Они первые заметили тенденцию постоянной повторяемости событий и возвращению к старым институтам. А.А. Аузан пишет, цитирует яркие слова Н. Бердяева: «С февраля по октябрь 17-го года перед восхищенным русским взглядом прошли парадом все возможные партии и идеи. И что же выбрал русский человек? То, что имел, — царя и державу» (Азуан, 2015). Автор также упоминает, что аналогичный анализ был проведен по периоду Смутного времени и послереволюционному. В следствие чего устанавливается, что причиной ограничения русского развития, отторгающей нововведения является особое культурное поле, именуемое «московитское», и соответствующая ему совокупность устоявшихся

институтов, выражающаяся в самодержавии и крепостничестве. Однако на тот момент эти правильные идеи не имели за собой аргументационной основы. Первый, кто занялся научной постановкой проблемы и применил статистические методы в подтверждение и описание данной теории, был величайший статистик А. Мэддисон. Он свёл данные за все 200 лет существования статистики на одну страницу, построив графики за 1800, 1913 и 2011 годы, в которых ось абсцисс отражала ВВП на душу, а на оси ординат ожидаемая продолжительность жизни. На основании полученных данных он засвидетельствовал явный отрыв стран Западной Европы, а также ее заморских ответвлений (western offshoots) в лице США, Канады, Австралии и Новой Зеландии от остального мира по этим показателям начиная с первой четверти XIX в. Причем этот отрыв увеличивался на протяжении почти двух столетий. (Азуан, 2017). В связи с этим выделяют страны – исторические счастливики, движущиеся по траектории развития А, их около 25. Остальные идут по пути В и их число значительно больше и составляет примерно 7/8 от общего числа стран в мире (рис. 1).

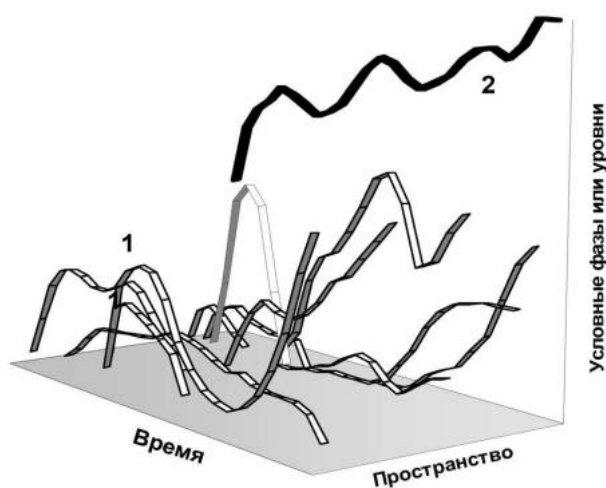

Рис. 1. Траектории развития «А» и «Б» (Трейвиш, 2009)

На сегодняшний день отклонения от движения по траектории В являются очень малочисленными и скорее исключениями из общей тенденции мирового развития. В целом же многие ученые склоняются к тому, что именно развитость является отклонением от нормы, и далеко не каждая страна способна основательно встать и стабильно двигаться по траектории А.

Сегодня на вооружении научного сообщества есть инструменты, которые позволяют проверить, в самом деле ли те или иные теории имеют место быть и проследиваться в реальном историческом и экономическом процессе. Одной из ключевых фигур современности, изучающей «path dependency problem» и получивший за это Нобелевскую премию в области экономики, является Дуглас Норт. Теория «колеи»

подвергается критике за схематизм и детерминизм. Д. Норт не допускает существования единой модели для объяснения технологических и институциональных изменений, подчеркивая роль идеологии. Детерминистский взгляд ошибочен, поскольку субъективные решения политиков оказывают на экономику критически важное влияние, а субъекты способны по-разному влиять на институциональные изменения из-за различия позиций (Корнейчук, 2014).

В своей работе Д. Норт провел исторический анализ на примере Англии и Испании, и их заокеанского продолжения в лице Северной и Южной Америки, что позволило сделать аналогичные с феноменом QWERTY выводы. Эффект неэффективного технологического выбора (QWERTY-эффект) на процесс развития институтов (Корнейчук, 2014). После утверждения стандарта в ходе ошибочного выбора начинают действовать силы экономии на масштабе, сетевые эффекты, которые своей «гравитацией» не позволяют уже сойти с ошибочного пути.

Он проиллюстрировал возможность первоначальной ошибки институционального выбора. Англия и Испания, которые в XVI в. по основным макроэкономическим условиям находились на примерно одинаковом уровне, в XIX в. уже ничего подобного не демонстрировали. Причиной случившегося расхождения, как считает Д. Норт, стала случайность, заключающаяся в том, что в Испании налогообложение, как и прежде, осталось в руках короля, а в Англии такие полномочия приобрел парламент, т.е. сами налогоплательщики. В след за этим усилились культурные различия, основанные на расхождении англиканства и католичества, которые в XVI в. были едва различимы, а позднее разница заметно возросла. Испания позже осознала сделанную ранее ошибку, но все попытки её исправить ни к чему не привели и по сей день она отстает от основной группы стран, идущих по траектории А. По отношению к Северной и Южной Америкам понятно, что здесь имеет место быть уже не ошибка институционального выбора, а ретрансляция культурных особенностей, которые определяют устойчивость движения по выбранной колее. Так как ни те, ни другие не стояли перед проблемой выбора института налогообложения, и даже несмотря на то, что южноамериканские державы имели после боливарских революций более прогрессивные формальные институты, повторили различную динамику развития своих прародителей, и причиной здесь видится как раз таки совокупность неформальных институтов, мигрировавших на земли Америки вместе с колонизаторами. Основные выводы, к которым пришел Д. Норт по результатам исследования заключаются в том, что институты, как и стандарты, определяют выбор траектории, а «устойчивой колеей» ее делает культура.

Пример Северной и Южной Кореи отчетливо демонстрирует степень важности институционального выбора, который произошел в результате раздела страны в гражданской войне, а после различия стали уже закреплены в культурной инерции (Азуан, 2015).

В последнее десятилетие концепция получила большое развитие за счет наиболее серьезного исследования в рассматриваемой области работы Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки». В ней как таковой расширяется и дополняется материалами гипотеза Д. Норта, данная книга основывается на парадоксальных идеях о том, что гораздо сложнее объяснить причины успеха страны, чем отсталость, которая присуща большинству объектам на современной политической карте мира. Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст произвели анализ на примерах Франции, Англии, США. За ними последовали и другие ученые, взявшие на вооружение их теорию и инструментарий и применившие их по отношению к другим странам.

Результаты анализа позволили обозначить, где начинается выход из “колеи”, и те граничные условия социальных порядков, которые, с одной стороны, удерживают, а с другой – дают, в случаях их изменения, стартовое ускорение. Некоторые из этих граничных условий ожидаемы, а некоторые неожиданны. Одним из самых важных условий оказалось, способ контроля насилия элитами – делят они инструменты насилия между собой или кооперативно контролируют. Принципиально важным оказалось, персонализированный или деперсонализированный способ построения организации (политической, коммерческой, некоммерческой). Ожидаемым оказалось условие, которое весьма значимо и прослеживается в истории, а именно поведение элиты, пишут ли они законы для других, а для себя исключения или же они пишут их для себя, а затем распространяют на других. И все эти изменения постепенно закрепляются в неформальных институтах, с помощью которых новоприобретенная траектория движения приобретает устойчивый характер.

Выход из колеи всегда сопровождается изменениями формальных, а затем и неформальных институтов, ценностей, которые впоследствии укрепляются в культуре общества, а такие изменения в сущности и следует называть трансформацией. Именно этому явлению посвящена данная исследовательская работа, в связи с этим необходимо обозначить, что же будет пониматься под социально-политической трансформацией. Сперва обратимся к определению К. Э. Аксенова относительно более широкого понятия, а именно трансформации общественно-географического пространства. Трансформация общественно-географического пространства – это временной процесс, в результате которого сущности общественно-географических явлений не просто видоизменяются, а

заменяются на принципиально новые (Аксенов, 2012). Общественно-географическое пространство – это форма бытия общественно-географических объектов, отражающая отношения их сосуществования: соразмерности и взаиморасположенности. Отсюда следует, что изучение трансформации в пространстве невозможно без описания элементов, меняющих свою сущность с течением времени. Первичный элемент пространства, в котором начинают проявляться общественно-географические различия, мы будем называть общественно-географическим местом (Аксенов, 1990). В каждый отдельный момент времени место определяет особенности воздействия экономических, социальных, политических и других факторов на общество и вместе с тем формирует особую модель сочетания этих факторов, которая обуславливает степень и результаты их влияния на сущность исследуемого явления. Место – квант любого «служебного» пространства, существующий в конкретный момент (период) времени. Общественно-географическое место всегда связано с конкретным общественным явлением (проявлением определённой общественной сущности) (Аксенов, 2006). Какое-либо конкретное проявление общественной сущности может иметь место быть или нет в данном конкретном месте общественного пространства в зависимости от совокупности факторов, оказывающих влияние в определённой степени на это место. Однако в другой момент времени, параметры характеристик пространства могут измениться и свойства того же общественно-географического места для исследуемой сущности изменятся в след за ними, то есть произойдет трансформация места.

Комплекс экономических, социальных, политических, коммуникативных и других условий, отличающих данное место от остальных, а также его «внешнее» положение (соседство, протяженность, изолированность и т.д.) по отношению к другим местам и их системам в каждый момент времени неизбежно формирует специфический местный общественно-географический контекст – совокупность прочих мест, связанных с сущностью исследуемого места (Аксенов, 2012). Если контекст является неизменным на значительный промежуток времени, то он переходит в категорию среды.

«Элементарной частицей» общественного времени выступает событие, определяемое как первичное изменение сущности общественного феномена (явления). Если событие изменяет сущность не всего общественного явления, а только в конкретном месте, то это изменение называют место-событием. Как пространственные, так и временные общественные параметры влияют на возможность существования сущностей в точке пространства. Посредством чередования событий происходит процесс перерождения сущности (смена одних другими или же изменение одной) или трансформация.

Обобщая вышесказанное можно утверждать, что шкала расстояния для места и шкала времени для события определяется наложением первичного изменения сущности на пространство и время. Таким образом, общественно-географический контекст формируется в каждый момент времени, иногда он «закрепляется» и формирует устойчивую сущность территории. С течением времени на «переломных» этапах истории происходит смена контекстов территории, а совокупность таких контекстов, включая современный, представляет собой среду, выраженную в комплексе экономических, социальных, политических, коммуникативных и других условий, господствующих на данной территории. Применительно к данному исследованию социально-политическая трансформация понимается как временной процесс, в ходе которого происходят качественные изменения социальных, политических и экономических институтов и ценностных ориентиров общества, что выражается в изменении принципов и методов территориальной организации общественной жизни.

На данный момент написано множество работ, затрагивающих постсоциалистические страны в целом и Польшу в частности, как зарубежными, так и отечественными исследователями. Среди рассматриваемой совокупности работ можно выделить те, которые охватывают исследования межстранового уровня. Одной из таких исчерпывающих центральных работ по данной тематике является книга: «Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии», написанная такими авторами как д.и.н. Л.Н. Шишелина, к.и.н. Н.И. Бухарин, д.э.н. А.В. Дрыночкин, к.э.н. З.Н. Кузнецова, д.и.н. Л.С. Лыкошина, к.и.н. Ю.А. Щербакова (Шишелина, 2010). Уже по названию работы и составу авторов видно, что книга описывает события, происходящие в странах Центрально-Восточной Европы – Венгрии, Чехии, Словакии и Польши, которые почти три десятка лет назад объединились в неформальный блок стран региона в интересах координации действий на пути интеграции в Европейский Союз. Авторы данной коллективной монографии, подготовленной в Институте Европы РАН в рамках большого проекта «Старый Свет — новые времена», глубоко исследуют политические и социально-экономические аспекты развития стран Вишеградской Европы, анализируют позитивные и негативные тенденции, формирующиеся под влиянием участия стран в европейских интеграционных процессах. Большое внимание здесь также уделяется анализу выстраивания взаимоотношений стран группы с Россией под действием трансформационных процессов. Данный труд представляет собой кладезь информации по рассматриваемым вопросам и ценен тем, что анализ и оценка трансформационных процессов представлена как на межстрановом, так и на страновом уровнях.

Дэвид Лэйн – академик Британской академии общественных наук, в своей статье «Социально-экономические итоги трансформаций в постсоциалистических странах» делает упор на исследование отношения населения постсоциалистических стран к текущей ситуации, сложившейся в результате проведения рыночной трансформации, а также оценил последствия произошедших преобразований относительно показателей качества их жизни и субъективного благополучия (Лэйн, 2016). Статья строится на рассмотрении двух возможных путей трансформации: интеграция стран ЦВЕ в мировую экономику путем вхождения в состав Европейского союза (ЕС) и образование Содружества Независимых Государств (СНГ). Продемонстрирован неоднородный характер структурных изменений на каждом из маршрутов, основанный на различиях механизмов экономической координации, организации политической власти и интеграции стран в мировой экономический порядок. Оценка объективных последствий для постсоциалистических стран строится на анализе экономических данных и показателей человеческого развития. Автор делает вывод, что государства, двигающиеся по пути интеграции в ЕС, достигли больших успехов, чем страны, вошедшие в состав СНГ. Несмотря на это, население обеих групп стран скептически отзывалось о результатах капиталистической трансформации и демократизации, при том, что исходная поддержка накануне и в самом начале реформ была на высоком уровне. Отмечается, что именно экономическая трансформация удостоилась негативных оценок, в отличие от политической. И все же, какого-либо существенного сближения постсоциалистических стран с развитыми западными государствами по такому критерию, как уровень человеческого развития, не произошло. Страны, избравшие первый путь, отнеслись к новым режимам более позитивно, нежели группа стран СНГ. Прогнозируя дальнейшую траекторию движения стран, автор показывает перспективы стран и отмечает, зависимость новых членов ЕС от судьбы самого Европейского союза, поскольку выстроенная в нем система ограничивает самостоятельность государств в плане проведения собственной социально-экономической политики. Для стран, находящихся на пути интеграции в евразийское экономическое пространство, автор предполагает еще большие трудности в экономической и социальной сферах. В целом статья очень интересна, тем что позволяет проследить и сравнить различные пути развития стран, сделавших исторический выбор. Однако, акцентирование внимание на субъективном мнении граждан хотя и полезно, но понижает степень объективности оценки процессов такого глобального масштаба.

В монографии «Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы» под редакцией Н. В. Куликова освещаются результаты общественно-

экономической трансформации, по пути которой движутся страны Центральной и Восточной Европы (Куликов, 2013). Анализируется эффективность модели перехода к новому общественно-экономическому устройству посредством внедрения институтов рынка и демократии, существующих в развитых странах. В связи с этим, уделяется большое внимание достижениям и проблемам социально-экономического развития исследуемой группировки стран и предпринимается попытка охарактеризовать действительное значение европейской интеграции для роста и модернизации экономики. Особое внимание уделяется причинам высокой восприимчивости многих стран группы к последствиям мирового финансово-экономического кризиса и долгового кризиса еврозоны. На основе полученных результатов авторы прогнозируют варианты социально-экономического развития стран ЦВЕ, а также оценку возможностям взаимодействия и расширения экономических отношений с Россией. Шестая глава данной монографии посвящена Польше. В ее содержании присутствует как общая оценка системной трансформации страны, так и углубленный анализ проведенных экономических реформ, инвестиционного и делового климата. Рассматриваются социальные аспекты трансформации, особенности влияния финансово-экономического кризиса и адаптацией модели экономического развития в этой связи.

Монография «Постсоциалистический мир: итоги трансформации» под редакцией С. П. Глинкиной состоит из трех томов (Глинкина, 2017). Процессы общественно-экономической трансформации в Центрально-Восточной Европе в ключе их взаимосвязи с европейскими интеграционными процессами рассматриваются в первом. В качестве основной идеи повествования, авторы выделяют особенности модели перехода постсоциалистических стран от социализма к капитализму, которые базируются на анализе экономических и политических данных по результатам проведенных системных реформ и их влияния на переориентацию внешнеэкономических связей. Помимо это, авторы рассматривают итоги реформирования отраслей социальной сферы и моделей социальной политики, в том числе опираясь на восприятие ее результатов населением.

Сборник статей коллегии авторов под редакцией С. П. Глинкиной и Н. В. Куликовой «Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты» посвящен системной трансформации в странах Центрально-Восточной Европы, осуществляемой взаимосвязано с процессом интеграции их в Европейский Союз. В статьях проиллюстрированы особенности перехода данной группы стран от тоталитарного политического режима к демократическому и от централизованно-управляемой экономики к либеральной рыночной. Также данный сборник включает статьи, в которых анализируются как экономические, так и политические результаты

проведенных системных реформ, рассматривается процесс переориентации внешнеэкономических связей под влиянием присоединения стран к ЕС на правах полноправных или ассоциированных членов, и национальные концепции реформирования отраслей социальной сферы и моделей социальной политики, социальная цена трансформации, восприятие ее результатов населением. В частности, в сборнике присутствует статья И.С. Сеницына, Н.А. Чудакова «Системная трансформация в Польше: трудный путь к успеху», которая охватывает социальные, экономические и политические аспекты трансформации польского общества, в условиях членства страны в ЕС (Глинкина, 2016). В данной статье, как и в последующих описанных здесь автор рассматривает непосредственно Польшу, причем используя системный подход в изучении данного вопроса.

В статье «Выборы в парламент Республики Польша в 1989–2011 гг.» написанной Стемпель-Кучинска А., Люльковским А. Э. освещается процесс строительства нового польского государства путем отказа от прежних и переход к новым политическим и социальным принципам путем разработки и внедрения новых политических институтов. 6 июня 1989 г (Стемпель-Кучинская, 2014). в Варшаве начались переговоры Круглого стола, в результате последовал отказ от однопалатной системы, полномочия по осуществлению реальной политической власти отдавались Сейму. Выборы в Сейм имеют большое значение для польской политической системы из-за политического влияния, связанного с ролью Сейма в Польше. Польские политические партии, набравшие на выборах большинство, пользуются преимуществом при формировании Правительства Польши, которое отвечает за проведение внутренней и внешней политики Республики Польша. Развитие избирательного права в Польше представляет большой интерес для изучения наиболее подходящих путей формирования избирательной системы постсоциалистических государств, идущих по пути либерализации и демократизации общества. Данная статья ставит перед собой задачу углубленного анализа политической трансформации на примере Польши путем изучения динамической картины результатов политического волеизъявления польского народа.

Выбор формы правления в условиях трансформации политической системы - весьма трудная политическая и институциональная задача. Этой теме Тарасов И. Н. посвятил статью «Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы», в которой он освещает проблему трансформации политических институтов посткоммунистических стран Центрально-Восточной Европы (Тарасов, 2010). Неопределенность является системной характеристикой посткоммунистической трансформации. Ориентация на долгосрочные

интересы ведет к проявлению выработке норм, усложняющих процедуру изменения формальных институтов, что не может не создавать определенных негативных последствий. В течение трансформационного периода развития политических систем институционализация как в негативных, так и позитивных формах одновременно.

Кузнецов А. В. В статье «Региональная экономическая политика Польши» ещё во введении отмечает, что политика государства по выравниванию межрегиональных диспропорций, подъему конкурентоспособности отсталых и депрессивных территорий не является главным приоритетом страны, а в большей мере развивается под влиянием европейских интеграционных процессов (Кузнецов, 2009). Упор в статье сделан на исследование региональной экономической политики, которая понимается как избирательное воздействие федеральных органов власти на социально-экономическое развитие отдельных территорий путем создания особых условий для предпринимательской и инвестиционной деятельности и обеспечения их необходимой инфраструктурой. В работе проводятся параллели между изменениями в административно-территориальном делении и эволюцией экономического аспекта региональной политики. Это является основным достоинством данной статьи, ведь принципы, по которым строится и меняется административно-территориальное деление страны, должны отвечать текущей экономической ситуации в стране и помогать решать существующие проблемы, тем самым служа на благо общества.

С целью обобщения изучения предшествующего опыта изучения данной тематики на основе рассмотренных публикаций была составлена сводная таблица, которая представляет собой сгруппированные по изучаемым аспектам трансформации и по масштабу территории исследования работы. Таким образом, среди статей выделяются те, в которых рассматривается социально-экономический аспект, политический, комплексный политический и социально-экономический аспект трансформации, которые рассматриваются на уровне совокупности стран Центрально-Восточной Европы или же Польши в отдельности (табл. 1).

Таблица 1. Группы изученных публикаций

Социально-экономические аспекты	Политические аспекты	Социально-экономические и политические аспекты	На уровне Польши
1. «Социально-экономические итоги трансформаций в постсоциалистических странах», (Лейн Д, 2016)	1. «Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы» (Тарасов И.Н., 2010)	1. «Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии» (Л.Н. Шишелина, 2010)	1. «Системная трансформация в Польше: трудный путь к успеху» (Синицина И.С., Чудакова Н.А., 2016)
2. «Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы» (Куликова Н.В., 2013)		2. Сборник статей «Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты» (Глинкина С.П., Куликова Н.В., 2016)	2. «Выборы в парламент Республики Польша в 1989–2011 гг.» (Стемпель-Кучинска А., Люльковский А. Э., 2010)
3. «Постсоциалистический мир: итоги трансформации» (Глинкина С.П., 2017)			3. «Региональная экономическая политика Польши» (Кузнецов А.В., 2009)

Социально-экономическая и политическая трансформация далее будут исследоваться на уровне воеводств Польши, а также особое внимание будет уделено группе воеводств территории Западной Польши, где изменения процесс будет прослеживаться на более детальном уровне по повятам.

Данный параграф служит цели введения терминологического и понятийного аппарата касаясь изучения явления социально-политической трансформации и развития общества в целом. Приводится обзор работ авторов, исследовавших данную тематику и данный регион, которые являют собой как теоретическую и практическую основу написания данной работы, так и источником мотивации, предопределившую тематику всего исследования.

1.2 Историко-географические особенности формирования территории Западной Польши

Последняя четверть века для Речи Посполитой характеризовалась комплексными проблемами в культурной, экономической и в особенности в политической сферах жизни общества. Несмотря на постоянную опасность, исходящую от одних из сильнейших держав того времени (России, Австро-Венгрии и Пруссии), полностью окружавших территорию страны, в политической сфере остро обострились противоречия между элементами реформаторства в духе эпохи Просвещения и элементами исконного

консервативного порядка. Данную эпоху можно разделить на следующие периоды: годы правления Постоянного совета (1775–1788), период Четырехлетнего сейма (1788–1792) и разделы 1793 и 1795 гг (18). С уверенностью можно сказать, что 1775 и 1789–1790 гг. стали плацдармом для революционного перелома в польше, невзирая на очевидную слабость Речи Посполитой в этот период сложились предпосылки к позитивные перемены.

Наибольшим изменениям подверглась сфере сознания. Однако далеко не все осознавали происходящего. Шляхта была связана с государством настолько слабо, что даже не думала нести тяжбу преобразований. Чувства безучастности к судьбе государства не удалось преодолеть и во время Четырехлетнего сейма; не помогли и более радикальные события, например, восстание 1794 г. И лишь навязанная захватчиками власть заставила шляхту смириться с необходимостью регулярно платить довольно высокие налоги (Кручковский, 2016).

В результате первого раздела ситуация в стране была ужасающей, от Речи Посполитой отторгли 30 % территории и 35 % населения, что повлекло за собой нарушение внутриэкономических связей. Сильнейший удар нанесла Пруссия, введя таможенные пошлины за транспортировку сельскохозяйственной продукции по Висле, после чего экспорт зерна через Гданьск сократился на 60 %, что крайне негативно отразилось на доходах с земельных владений и фактически привело к кризису. Упавший спрос на хлеб со стороны городов стал причиной перенаправления большего количества зерна на производство водки. Скотоводство развивалось медленно, уровень потребления мяса не изменялся, вместе с тем не получало должного внимания технология удобрения почвы. Естественный прирост населения по-прежнему оставался на высоком уровне, хотя и уступая аналогичным показателям Франции и Англии. С течением времени все же увеличивалась плотность населения и повышалась урожайность, что позволило обеспечить восстановление и рост городов. Высокими темпами росла Варшава, развивалась Познань. Столица, где сосредоточена политическая и культурная жизнь, стала реципиентом большого количества людей, потерявших свое место в обществе, как среди шляхты, так и крестьянства. Зарождалось новое сословия в городах, состоявшее из интеллигенции, первых польских буржуа и наемных рабочих. Одной из самых главных проблем страны по-прежнему оставалось крепостничество, которое тормозило рост экономики и социальное развитие подавляющей части общества.

Количество жителей, занятых в сельском хозяйстве превышала три четверти от общего населения и около 90 % из них составляли крепостные крестьяне. Исключением из правила можно было назвать лишь территорию Великой Польши со столицей в городе

Познань, которая сильно выделялась среди других земель и опережала их по социально-экономическому развитию, около трети крестьян платили оброк вместо барщинных отработок; наряду с этим здесь осуществлялась интенсивная колонизация земель свободными крестьянами (в основном, немцами). Оброчная система говорит о масштабе проблем землевладельцев, связанных с недостатком рынков сбыта продукции. Однако территории с более слабыми связями с рынком, ухудшение экономической конъюнктуры проявлялось в меньшей степени, что позволило шляхте компенсировать убытки, ужесточая условия повинности и нормы барщины крестьян (Кручковский, 2016).

С целью роста доходов предпринимались экономические реформы, однако они часто не были направлены на реальные сектора экономики и выражались лишь в перестройке дворцов и устройстве парков. В несельскохозяйственных сферах инновации отличались дороговизной, развивалось мануфактурное производство, куда внедрялись зарубежные технологии и приглашались иностранные специалисты, но все по-прежнему основанное на крепостной рабочей силе.

Интеллектуальное, политическое и экономическое оживление в обществе положительно сказывалось на товарообороте, однако развитость кредитных отношений оставалась низкой. Организовывались банки, но значительная часть шляхты использовала традиционные способы кредитования, целью которой являлось потребление. С укреплением городского контингента, начала формироваться буржуазия.

Совокупность условий, последовавших вслед за разделом и образованием искусственных границ не могла не подогревать настроение могущественных соседей к дальнейшим разделам. Территории Великой и Малой Польши оказалась тисках, ось развития с северо-запада на юго-восток была под угрозой. Со своей стороны Пруссия считала необходимым поглощение Гданьска и Великой Польши. Австрия и Пруссия наряду с экономическими выгодами рассчитывали также и на получение рекрутов, столь необходимых в войнах с Францией. (Тымовский, Кеневич, Хольцер, 2004). Интересы Пруссии состояли в полном уничтожении Речи Посполитой, но Россия все еще видела выгоду в сохранении системы протектората.

В итоге был реализован 23 января 1793 г. Второй раздел Польши между Россией и Пруссией. Терпя неудачи в войне с Францией, Пруссия компенсировала потери за счет Польши, а Австрия рассчитывала на приобретения в Баварии. Под контроль Пруссии перешли Великая Польша, Мазовия, Гданьск и Торунь — в общей сложности 58 тыс. кв. км и около 1 млн. жителей. Россия поглотила Белоруссию, Правобережную Украину и Подолию — всего 280 тыс. кв. км и почти 3 млн. человек. Остатки Речи Посполитой представляли собой жалкое зрелище с площадью 227 тыс. кв. км и около 4 млн. жителей и

никаких сомнений на счет судьбы Польши уже не осталось. Государственный организм в еще большей степени подвергся разрушению централизации и связей, страна перестала играть роль буферного государства, что привело к нравственному и экономическому краху. Начались банкротства, выросли цены, казна оказалась пустой. Польская эмиграция в Саксонии видела скорый конец государства и готовилась к вооруженному восстанию, которое должно было стать народным движением при поддержке Франции. Однако Костюшко помощи не пришло ни от якобинцев, ни от жирондистов. Разоружаемая армия представляла собой плодородную почву для восстания, настроения в столице становились более радикальными.

С поражением восставших наступил третий раздел, 24 октября 1795 г. державы осуществили разграничение территорий к Пруссии отошли 48 тыс. кв. км и около 1 млн. жителей, граница установилась по реке Неман. Австрии достались земли до рек Пилица и Буг, часть Мазовии и Подляшья — всего 47 тыс. кв. км и 1,5 млн. человек. К России отошли 120 тыс. кв. км и 1,2 млн. человек. Король отрекся от престола.

По итогам трех разделов за Пруссией оказалась вся западная и часть центральной Польши, включая Варшаву и Белосток, произошло объединение земли Бранденбурга с Пруссией, которая теперь именовалась Восточной Пруссией, а приобретенные бывшие польские территории в ходе второго раздела стали именоваться Южной Пруссией, а по итогам третьего приращения образовалась Новая Восточная Пруссия.

Включение территорий с преобладающим польским населением требовала проведения административных реформ для приведения их в соответствие с действующей двуединой прусской системой. Реорганизация заняла не много времени, были образованы прусские фискальные, полицейские, административные и другие государственные органы. Эти шаги окончательно разуверили польское общество в перспективе получения особого федеративного статуса. Данный политический курс в отношении новых территорий был продолжением политики Пруссии в отношении Силезии и Западной Пруссии. Однако национальный состав населения отличался, наряду с этим, новые земли не подвергались в предшествующие столетия политике германизации и проникновению немецкой культуры, что создало определённые проблемы для реализации политики Пруссии. Не сразу прусская элита осознала, что отношение в Варшаве, Лодзи и даже в Познани к властям будет иным нежели в Катовице.

Управление в Познани из рук дворян перешло к прусским военным комиссарам. Прусская элита считала необходимым реорганизацию польской системы административного управления, в этом ей виделось благо как для самой Пруссии, так и для новой провинции. В связи с этим прусская политика осуществлялась в направлении

превращения новых земель в колониальные дополнения старых территорий. Свою политику они начали с подавления польского восстания в 1794 году и преследования видных представителей интеллигенции. Но повышение налогов и проведение жесткой церковной политики привело лишь к переходу той части польского населения, которое симпатизировало Пруссии на сторону противников. А повышающийся сепаратизм у поляков вызывал ответную реакцию у некоторых видных немецких чиновников в виде мыслей о необходимости германизации новых территорий. Но политика прервалась в связи с вторжением армии Наполеона, в результате чего новые территории Пруссии были отторгнуты и на их месте появился французский протекторат в виде герцогства Варшавского. Однако вскоре после поражения Наполеона, по результатам Венского конгресса за Пруссию остались значительные польские земли: Западная Пруссия с центром в Данциге, великое герцогство Познанское (1815-1848 гг.), включая города Познань, Быдгощ, Гнездо, большая часть этих земель в составе прусского государства до 1919-1920 гг.

Пруссия в отличие от своих больших соседей не имела опыта осуществления национальной политики, так как прежде фактически являлось мононациональным государством. В отечественной и польской литературе политика Пруссии в отношении поляков считается колонизаторской и антипольской, однако она претерпевала значительные изменения за более чем вековой период нахождения польских земель в этом государстве и вектор ее направленности сильно зависел от внутригерманских задач. На фоне реформ и осознания своей страны в особой роли в освободительной войне 1813-1814 гг., а также увеличение территории и населения государство у прусской элиты господствовала идея, о том, что именно перед Прусией стоит историческая задача возглавить объединение германии. В ходе приращения территориями на западе, страна потеряла интерес к возвращению утраченной части польских земель и все внимание стала уделять территориям, с близкой культурой и легко поддающимся германизации. Незаинтересованность Пруссии в переделе земель герцогства Варшавского привело к русскому сценарию развития данных территорий, тем более что, в Варшаве была сильная прорусская партия, возглавляемая Адамом Чарторыйским. Однако под давлением Вены и Лондона в состав Пруссии вошли Торунь и Познань, в то время как Александр I согласился предоставить вновь созданному Царству польскому широкую автономию в составе Российской Империи. До 1830 г. власти стремились заручиться поддержкой польского населения, особенно поддерживали польских земельных магнатов, в значительной степени для их интересов организовывались финансовые кредитные органы для сельского хозяйства с целью экономического оздоровления сельскохозяйственного

сектора. До середины XIX века большинство крупных земельных владений провинции Познань принадлежали полякам. Система выборов в региональные представительные органы также действовала в интересах польского дворянства. Во впервые созванном в 1827 году познанском ландтаге преобладали польские дворяне. Однако судебные органы, где польский язык был лишь номинальным, политика, направленная на освобождение польского крестьянства, например, указ 1823 года о крестьянах Великого герцогства Познанского, реорганизация системы начального и среднего образования – всё это так или иначе способствовало германизации. В целом же прусскую политику в этот период можно считать благоприятной для польского меньшинства. Поляки получили равные права с остальными поданными Пруссии, польские помещики смогли поправить свое финансовое состояние и получили инструмент влияния на политику государства – через представительство в ландтаге.

К концу двадцатых годов вектор политического курса постепенно начала меняться, после восстания в Царстве Польском, жестоко подавленном царскими войсками, действия которых были поддержаны Пруссией из-за боязни расползания националистических настроений на западные польские территории, Берлин стал воспринимать поляков как постоянный источник опасности для стабильности государства. Появилось убеждение, что примирение с поляками, уважение к их культуре и языку не приведут к успеху дела мирной интеграции в государство, а добиться этого можно лишь путем жесткой системы управления и поэтапной германизации. Такой «новый» курс политики был возглавлен назначенным на должность обер-президента Познани Эдуарда фон Флотвелля, ранее возглавлявшим Западную Пруссию. Он был крайне негативен в отношении шляхты, крупных землевладельцев и католического клира. Это выразилось в уничтожении привилегий землевладельцев и дворян и способствовании развитию городов, с преимущественно немецким населением и крестьянских хозяйств, немецкий язык учреждался в качестве единственного официального (1832 г.). Затем польскую аристократию отстранили от ландтага, фактически произошла передача полномочий на окружном и районном уровне правительственным чиновникам, был упразднён польский институт старост, выполнявший административные и полицейские функции. Результатом стала унификации управленческой структуры провинции с остальными. Это привело к потере политической и экономической мощи высшего сословия, однако были созданы условия в которых развивалась промышленность, расширялись права крестьянства, происходила интенсификация сельского хозяйства и организация образовательных учреждений. Ответом стала создание собственных финансовых институтов, осуществлявших поддержку польских студентов, ученых и крестьян. В 1840 году был

организован Союз Марницкого, который стал первым инструментом противодействия политике германизации (Тымовский, 2004).

С вступлением на престол Фридриха Вильгельма IV начался новый этап политики в отношении польских территорий, основная идея которого состояла в том, что польская национальность вовсе не является препятствием быть верным поданным прусской короны. Был предпринят ряд шагов по завоеванию симпатий польского меньшинства. В 1840 году были амнистированы, восставшие в 1830-1831 гг., стерлись национальные различия в купле-продаже земель, в прусском министерства культов был создан католический департамент. Новым обер-президентом стал граф А. фон Арним-Бойценбург, полностью разделявший позицию короля. Польскому дворянству вернули часть привилегий, что повысило их симпатию к короне. В то же время центр польского общественного движения переместился в Познань и возникли основные газеты и журналы провинции. Польское общество разбилось на два лагеря – консервативных приверженцев существования в прусском государстве и либеральных революционеров, выступающих за новое восстание для решения национальных и социальных проблем. В 1846 году подготовленное ими выступление было раскрыто, что повлекло за собой возвращение к прошлому политическому курсу, нарастали противоречия между польским и немецким населением, произошло оживление национализма у польского населения, все больше людей поддерживало идею создания польского государства, которое должно управляться исключительно польскими деятелями. Наряду с этническими различиями важными являлись и социальные, которые заключались в том, что немцы проживали в городах, а поляки на селе, немецкое национальное движение было более демократичным, польское же было направлено на достижения целей элит, также основная масса населения была не вовлечена.

Сложилась ситуация, что с одной стороны, либералы и демократы во франкфуртском Национальном собрании проповедовали идеи «весны народов», витавшей в умах после революции 1848-1849 гг., с другой это шло в противоречие с политическими реалиями и отношением немецкого общества, особенно немецкого меньшинства в познанской провинции. Выбирая между собственными интересами и интересами поляков, немцы, конечно, выбрали собственные, таким образом была заложена политика германизации поляков проводившаяся в дальнейшем сначала министром-президентов, затем имперским канцлером О. Бисмарком. В тоге к началу второй половины XIX века межнациональное напряжение продолжало нарастать, польские и немецкие экономические и культурные организации конкурировали между собой, по прусской конституции 1850 года поляки вновь получили возможность быть депутатами ландтага,

однако развитие Пруссии как единого государства положило конец особому статусу польских территорий и превратило их в обычную прусскую провинцию.

Великая Польша и Гданьское Поморье не состояли в Германском союзе, однако в 1867 г. вошли в состав Северо-Германского союза, а с 1871 г. — Германской империи. В немецкой политике 70-х годов XIX в. польский вопрос, как и католицизм рассматривались в качестве центробежного фактора, игравшего роль фундамента опасного для Пруссии сепаратизма. По мнению Бисмарка, он в то же время был преградой для германизации польского населения в Силезии, Великой Польше, на Поморье и в Вармии. «Культуркампф» - борьба с католической церковью, в то же время была направлена против польского. Школа, администрация и суды были окончательно онемечены.

Интенсивное наступление на польскую национальную идентичность и католицизм не принесло каких-либо ощутимых результатов. Воспротивился принятию в 1873 г. законов, ставивших церковь в зависимость от государства Архиепископ Гнезненско-Познанский Мечислав Ледуховский, ранее готовый защищать интересы католической церкви и польской культуры путем сотрудничества с Пруссией. За это он провел два года в тюрьме. За века католичество стало одной из важнейших составляющих польской самоидентификации. В Верхней Силезии, где национальная идентичность не была сформирована окончательно, она была основана на сохранения верности католичеству.

Методы «культуркампфа» привели к «полонизации» населения Верхней Силезии, где самоидентификация строилась под влиянием конфессиональной, а не национальной принадлежностью. В Великой Польше, Поморье и в Вармии была совершенно иная картина, где поляк - католик, а немец — протестант. Национальные чувства усиливали религиозность, вера пробуждала патриотизм. Определенных результатов «культуркампф» достиг лишь на Мазурах в Восточной Пруссии, где протестанты, говорившие на одном из польских диалектов, но не обладавшее национальным сознанием, наряду с конфессиональными ценностями приобретали национальные немецкие черты, что больше отождествляло их с немцами нежели поляками. Однако с конца 70-х годов XIX в. противоречия между властями и католической церковью потеряли вес, что наметило политику нахождения компромисса (21).

Итогами «культуркампфа» стало оживление польской культурной и экономической деятельности. В городах создавались кредитные организации, был создан Союз прибыльных обществ, «земледельческие кружки», «общество народных читален», которое стало прообразом публичных библиотек.

В экономической сфере осуществлялись методы экономического давления, выраженные в создании Колонизационной комиссии, занимавшейся выкупом польских

помещичьи имений и последующем заселении их немецкими колонистами. В то время в немецком обществе становились популярны идеи национального превосходства на фоне крепнувшего немецкого национализма.

90-е годы XIX в. политические движения и программы обрели более или менее законченную форму. Социалисты стали одними из первых организовались в партию и предложили «Проект программы Польской социалистической партии», где задачи, ставившиеся западноевропейским рабочим социализмом, соседствовал с идеями государственной независимости Польши, что подкреплялось настроениями на фоне «лодзинского бунта» — мощного выступления рабочих, выдвигавших национальные требования. В Пруссии же возможности польских социалистов были сильно ограничены. Польская социалистическая партия в Пруссии (с 1893 г.) была чрезвычайно малочисленной и слабой, более влиятельны были польские социалисты в австрийской части польских земель.

Национально ориентированный социализм не встречал поддержки среди социалистов польских земель России, которые верили в то, что рабочие быстрее смогут объединиться вне границ государств и наций и все национальные проблемы связаны с культурой.

В это же время оформились программы польского националистического движения, связанное с именем Романа Дмовского - политика, не признававший эмоций в политической аргументации, однако отмечал негуманные проявления национализма, но борьбу наций за жизнь считал законом общественного развития. Он намеривался построить политику таким образом, чтобы поляки вышли победителями.

В Пруссии лишь в 1890–1894 гг., в правление канцлера Каприви, натиск германизации ослаб, однако ненадолго, и в начале XX в., усилился еще больше. Активизировалась немецкая националистическая организация, провоцировавшая нетерпимые настроения немецкого общества к полякам, усиливая административные притеснения. Школьная забастовка в русской части Польши перекинулась на прусскую. Бастующие требовали проведения уроков религии на польском языке, однако она была сурово подавлена, был нарушен принцип уважения к частной собственности, новый закон позволял принудительно отчуждать польскую земельную собственность, что стало причиной усиления националистических настроений, которое вылилось в укрепление Национальной лиги, а в 1909 г. возникло Национал-демократическое общество.

Все эти проблемы имели локальный характер, в связи с обострением международных отношений в Европе, впервые за долгое время угроза европейского конфликта сосредоточила усилия всех польских земель на политической проблеме

выработки общепольской программы, учитывая сложившуюся геополитическую ситуацию. Однако большой политический пласт польских деятелей и значительная часть общества не участвовала в оценке достоинств и недостатков какой-либо геополитической ориентации, хоть и не доверяли ни Берлину, ни Петербургу, понимая, что будущее Польши зависит от изменения в расстановке сил в Европе.

Говоря о экономической ситуации начала XX в. отмечают, что прусское крупное землевладение находилось в долговом кризисе, больше всего были ему подвержены восточногерманские территории, развивавшиеся в русле проводимой колонизационной комиссией политики. В среднем по Германии долг составлял 31,8% их ценности землевладения, в Познани же цифра ровнялась 46,5% и 56,7% в Западной Пруссии (21).

Прусские аграрии и их представители в рейхстаге и прусском ландтаге требовали высоких таможенных пошлин, лучших условий сельскохозяйственного кредита и "санитария" сельского хозяйства. Под предлогом "укрепления немецкой собственности" осуществлялось давнишнее требование прусских аграриев о снятии с них задолженности, но это не удовлетворило немецких шовинистов, ратующих за запрещение парцеллирования и утверждение закона 1908 г. об отчуждении польских земель.

Немалые затраты привели к довольно жалким результатам: большая часть земли, приобретённой колонизационной комиссией, была ею закуплена не у поляков, а у немецких землевладельцев. Так, с 1886 по 1914 г. колонизационной комиссией было всего приобретено 453,1 тыс. га земли из них 326,8 тыс. га (73%) - у немецких владельцев и только 126,8 тыс. га (27%) - у польских. За это же время колонизационная комиссия организовала всего 21,2 тыс. немецких хозяйств, из них свыше 5 тысяч колонистов принадлежали к местному населению (Тымовский, 2004).

Пруская политика в польских землях в конце XIX и начале XX главной своей тяжестью ложилась на народные массы, и в особенности на польских крестьян.

Антипольские законы 1898, 1904 и 1907 - 1908 гг. также отражались сильнее на менее обеспеченных слоях, что побуждало польских крестьян на сильное противодействие политике колонизации польских земель.

С началом мировой войны территория Польши стала театром боевых действий. Война велась в Царстве Польском, Галиции, на Мазурах. В 1914 г. войска Российской Империи продвинулись почти до Кракова, однако в ходе контрнаступления австрийских и германских войск была занята русская часть Польши. Захваченную территорию поделили на оккупационные зоны.

Потери от военных действий и в результате грабительского поведения воюющих сторон. Их суммарная оценка была определена польской делегацией на Парижской

мирной конференции в 1919 г. на сумму 73 млрд. золотых франков. Самый сильный удар пережило народное хозяйство Царства Польского и Галиции. Отступая, русские войска эвакуировали промышленные предприятия, учреждения, учебные заведения, подвижной железнодорожный состав, квалифицированных рабочих и служащих. Центральные державы на оккупированных территориях хищнически эксплуатировали народное хозяйство и людские ресурсы с целью максимально использовать потенциал территорий для подпитки войны и подрыва конкурентоспособности польской промышленности. Вывозилась рабочая сила только в Германию до 300 тыс. человек и введена система обязательных поставок продукции по фиксированным ценам, что ударило по сельскому хозяйству (Тымовский, 2004).

Менее затронуло войной Верхнюю Силезию, Познанщину и Поморье, однако и здесь наблюдался спад в сельском хозяйстве, в австрийской части Польши больше всего пострадали нефтяная промышленность и сельское хозяйство.

С возрождением государственности обострялись противоречия между западными державами, которые считали, что в состав новой Польши должны войти только те территории, где польское население преобладало, и польской элитой, которая стремилась заполучить все земли, потерянные в предыдущие эпохи, хотя и на многих из них к началу двадцатого века национальный состав сильно изменился не в сторону Польши.

По Компьенскому перемирию немецкие войска отодвигались на линию довоенных границ, что не устраивало населения Великой Польши и Верхней Силезии. Эти противоречия стали причиной восстания в декабре 1918 г. в Великой Польше, в ходе которого к февралю 1919 г. была освобождена почти вся область, но формально до мирной конференции в Париже территория была немецкой. В Париже делегация от Польши добилась возвращения всей Верхней Силезии, Восточного Поморья и Гданьска (Данцига), части Восточной Пруссии (Вармии, Мазур и Повислья), однако это не устраивало Лондон. В итоге без каких-либо оговорок Польша получила только Великую Польшу и часть Восточного Поморья, статус Верхней Силезии и части территории Восточной Пруссии должен быть определен с помощью плебисцита. В Вармии, Мазурах и Повислье Польша проиграла, Верхняя Силезия была разделена решением Лигой наций, по которому Польша получила 29 % плебисцитной области и 46 % населения, где в г. Катовице был созван сейм Силезии. К ней отошла основная часть горнодобывающей и металлургической промышленности региона (Якубович, 1973).

Определение восточных границ Польши Парижская мирная конференция решила отложить до падения советской власти в России. Такая неопределённость давала возможность новому лидеру Польши Пилсудскому осуществлять политику

экспансионизма, которая вызывала протесты местных политических элит. Результаты успешной для Польши война с советской Россией закреплялись положениями мирного договора в Риге 18 марта 1921 г. Было решено, что граница будет проходить от Западной Двины на юг к западу от Минска и на восток от Лунинца, через Острог до Збруча и по Збручу до Днестра. Также были урегулированы границы с Латвией и Румынией, однако не признание Литвой захват Польшей Вильнюса и округа вылилось в разрыв дипломатических отношений между странами, длившийся до 1938 г. Антанта признала новые польские границы, что вернуло Польшу на политическую арену (Тымовский, 2004).

Польша сложилась как многонациональное унитарное государство, крупнейшими среди национальных меньшинств были украинцы (14,3%), евреи (7,8%), немцы (4,7%) и белорусы (3,9%), вместе они составляли практически треть всего населения. Зачастую недипломатические методы в установлении новых границ вновь привели к нарастанию напряженности с соседями. В следствии войны были потеряны рынки сбыта продукции польских предприятий, что обозначило острую проблему создания емкого внутреннего рынка и поиска таковых за рубежом. В пределах страны объединились территории долгое время развивающиеся в различных государствах, это ставило в приоритет политики задачи по их всесторонней интеграции и приспособления экономики к общим польским нуждам. С развитыми индустриальными территориями соседствовали отсталые аграрные украинско-белорусские земли, в пределах страны более 60 % населения занималось сельскохозяйственным трудом, именно оно должно было стать рынком сбыта польских товаров (Тымовский, 2004).

В связи с этим, необходимо было решить аграрный вопрос. В новой независимой Польше Закон об аграрной реформе учредили только в декабре 1925 г., причем в ограниченном варианте. Он не коснулся поместий размером до 180 га в центральной Польше и 300 га в восточных районах, а те землевладения, где располагались обрабатывающие предприятия могли оставить до 700 га угодий. Крестьяне же приобретали землю по рыночной стоимости.

Для обеспечения конкурентоспособности товаров и нахождения своей ниши в международном разделении труда была необходима модернизация и структурная перестройка польской промышленности, однако этот капиталоемкий процесс требовал от польских предпринимателей больших средств, которые не всегда можно было найти. Это привело к увеличению роли государства в развитии промышленности, особенно после начала создания Центрального промышленного округа во второй половине 30-х гг., где сосредотачивались самые современные отрасли производства. Государство получало львиную долю иностранных инвестиций, направляя их в развитие экономики, в то время

были построены важные железнодорожные магистрали, крупный морской порт в Гдыне, оборонные, химические и другие предприятия (Тымовский, 2004).

Таким образом были осуществлены меры по унификации хозяйственного права, технических нормативов и стандартов, реструктурирована промышленности и изменена география её размещения. Однако нельзя выделить только положительные тенденции в промышленном развитии страны. Уровень производства в некоторых основных отраслях промышленности в 1938 г. упал по отношению к уровню 1913 г. Скоротечные периоды роста сменялись спадами, самый глубокий и продолжительный пришелся на время кризиса, начавшегося в 1929 г. (Тымовский, 2004). От него пострадала не только промышленность, финансы, торговля, но и сельское хозяйство.

Вторая мировая война принесла Польше катастрофические потери как в экономическом, так и в социально-демографическом отношении. После окончания войны страна претерпела кардинальные изменения в различных сферах страны, в числе которых были и территориальные. Границы государства были значительно сдвинуты на Запад за счет новых присоединенных земель, которые составили 101 км², но при этом общая площадь государства уменьшилась на 78 км² по сравнению с довоенной. Новые земли в своем большинстве были заселены непольским населением, т.о. на западе преобладали немцы, а на востоке – украинцы и белорусы. Помимо того территории Польши были населены чешскими и словацкими национальными меньшинствами, а также евреями (Милякова, 2001).

В послевоенные годы миграционная политика была направлена на возвращение всех поляков в Польшу, а также на создание этнически гомогенного государства без национальных меньшинств, и, как было сказано в обращении польского президента Болеслава Берута «Вследствие войны и территориальных изменений польский народ трансформируется – мультиэтническое государство преобразуется в государство гомогенное» (Kwiek, 2002).

Вопрос об обмене населением между Польшей и СССР после перемещения восточного фронта во время Второй Мировой Войны обрел особую актуальность в связи с существенными территориальными изменениями Польши, реализация которого осуществлялась в послевоенное время. Обмен происходил на основании серии соглашений (Люблинские соглашения) о репатриации между странами, заключенными с тремя советскими республиками: Украинской ССР и Белорусской ССР 9 сентября 1944г., а также с 22 сентября 1944г. с Литовской ССР. Граждане Польши украинской, русской, русинской, белорусской и литовской национальностей должны были быть переселены на территории Украины, Белоруссии и Литвы. А в Польшу должны были вернуться поляки и

евреи, которые до 17 сентября 1939г. являлись польскими гражданами и проживали на территории вышеперечисленных республик. Таким образом, договоренность состояла во «взаимной эвакуации», однако имела одно различие. Представителям польской и еврейской национальностей оставался выбор добровольно остаться на территории СССР, в то время как требование репатриации для представителей национальностей противоположной стороны было обязательным (Самборский, 2013).

Польское правительство было заинтересовано в скорейшем проведении перенаселения поляков. Такая спешка было продиктована необходимостью освоения новых присоединенных западных земель, которые отошли по решению Потсдамской (Бурлинской) конференции от Германии к Польше. Уже в течение 1945 года около 1630 тыс. поляков прошли регистрацию на переезд в Государственном управлении по репатриации. А в результате обмена населения на протяжении 1944-1946 гг. из Западной Украины в Польшу насчитывается 787 674 чел., из Литвы – 197 тыс. чел., из Белоруссии – 275 чел. Таким образом, в течение двух лет по ходу польско-советского обмена было перенаселено около 1 250 000 поляков и евреев. Необходимо также учитывать около 300 000 чел., которые оказались на территории Польши с приближением фронта в 1944г. или были переселены неофициально в дальнейшем. Около 266 000 чел. поляков были репатриировались из центральной СССР. На тот момент в Польшу вернулось более 1 816 000 человек польской и еврейской национальностей (Шмигель, 2017).

Как утверждал советник посольства Польше в Москве Г. Вольпе на конец 1946 г. «на западных землях идет большая работа по восстановлению» и там, по его словам, поселилось уже 4,5 млн. поляков. По разным статистическим данным число поляков, прибывших из-за Буга на новые западные и северные земли на конец 1947г. составляет от 650 тыс. до 1 млн чел. В итоге, на протяжении 5 лет с 1945 по 1950 гг. жителями новых западных и северных земель стали около 4,7 млн. поляков. Из них: 2,9 млн чел. из центральных и юго-восточных воеводств Польши, более 1,5 млн. чел - СССР, 50 тыс. - Франция, 44 тыс. – Германия, 65 тыс. – другие страны и около 100 тысяч чел. – прочие (Носкова, 2012).

Главной причиной нежелания обратного переселения поляков было нежелание оставлять уже обжитые территории и возможность на присоединение западно-украинских территорий к польским по допустимому решению послевоенной ялтинской конференции (Албажей, 2013).

В ходе достижения обозначенных целей новой миграционной политики по формированию гомогенного государства особое внимание уделялось изгнанию немцев и украинцев как национальных меньшинств с целью подготовки земель для поляков. В

течение 1945-1947 гг. в Германию было изгнано около 7 млн. немцев, а также по причине послевоенного антисемитизма в обществе Польши страну покинули около 200 000 евреев. В целом в послевоенные годы насчитывается около 7,7 млн чел., покинувших Польшу (Шмигель, 2017).

Таким образом в современных границах Польша сложилась после второй мировой войны в качестве мононационального государства, которое целенаправленно создавалось путем массового переселения людей, хотя ранее страна имела опыт соседства с другими этническими группами в многонациональном государстве. Более века этнические поляки проживали на территориях трех различных государств, которые проводили отличную друг от друга национальную политику, что не могло ни сказаться на культурной, социальной, экономической и других сферах. Австрийская, Германская и Российская империи, несомненно, наложили свой отпечаток на колею развития территорий, входивших в состав каждой из них, тем самым усилив предпосылки пространственной дифференциации различных частей Польши.

1.3. Методика исследования социально-политической трансформации территории и Западной Польши

В данной работе под территорией Западной Польши понимаются четыре воеводства: Западно-Поморское, Любуское, Нижнесилезское и Опольское. Данные воеводства были выбраны, потому что территория на которой они располагаются полностью входит в территорию, отторгнутую от Германии по результатам Второй Мировой Войны, а именно как их принято именовать в Польше «Возвращенные земли». Это позволяет с наибольшей точностью достигнуть цели, поставленной в настоящей работе.

Так как целью данного исследования является выявление особенности социально-политической трансформации территории Западной Польши в послевоенный период, то методически решение поставленной задачи распадается на две основные части: анализ социальных условий и политических процессов.

Рассмотрение социальных процессов в данной работе будет осуществляться через анализ динамики ряда демографических и экономических показателей. Социально-экономические процессы очень многообразны. Все они различаются по содержанию, срокам, темпам протекания и последствиям. Говоря о социально-политической трансформации необходимо понимать, что степень и значимость изменений, происходящих в обществе напрямую связана с динамикой социально-экономического развития.

В настоящей работе с целью изучения социально-экономической трансформации были отобраны такие показатели как: естественный прирост, сальдо миграции, коэффициент демографической нагрузки населения и стоимость реализованной промышленной продукции на душу населения относительно среднего уровня по стране.

Показатель естественного прироста является наиболее общей характеристикой интенсивности роста населения, анализ данного показателя поможет проследить динамику демографических условий, позволить определить демографические факторы, влияющие на общественное развитие и репродуктивные установки, которые находят своё отражение и в политическом поведении, например при поддержке тех или иных политических сил, в зависимости от их политических программ относительно изменений условий материнства, условий для всесторонней поддержки и развития детей.

Показатель сальдо миграции служит наиболее общей характеристикой механического движения населения. Анализ данного показателя также поможет проследить динамику демографических условий на территории, а также понять, какая территория была аттрактивной для мигрантов и, следовательно, условия для жизни находились на более высоком уровне, а какая испытывала отток населения и, следовательно, уровень жизни и окружающие условия не соответствовали ожиданиям населения. Это прямым образом влияет на электоральное поведение населения и соответственно на структуру поддержки тех или иных политических сил, в зависимости от условий жизни, которые иллюстрирует данный показатель.

Коэффициент демографической нагрузки является наиболее комплексным показателем, характеризующим возрастную структуру населения. С его помощью анализа показателя также можно проследить динамику социально-экономических условий на территории. При сопоставлении его с показателем естественного прироста можно сделать выводы о темпах старения населения, как следствие рост выплат на социальное обеспечение, что, зачастую приводит к дефициту бюджетных средств и к негативному влиянию на экономическую ситуацию. Вместе с тем от соотношения возрастных групп зависят и результаты поддержки различных политических сил, так как различные возрастные группы проявляют отличное друг от друга электоральное поведение.

Показатель «стоимость реализованной промышленной продукции на душу населения» характеризует уровень развития промышленности на территории, по нему можно судить об общих объемах производства и об уровне его технологического развития (является ли промышленность преимущественно добывающей или обрабатывающей). Высокий уровень промышленного производства ведет к увеличению уровня жизни, что

влечет за собой рост уровня образования и как следствие повышает интерес граждан к политике государства и определенным образом влияет на их предпочтения.

Социально-демографические и экономические показатели были изучены в период с 1950 по 2015 гг. в случае с показателями «естественный прирост» и «стоимость реализованной промышленной продукции на душу населения», показатель «демографическая нагрузка» с 1960 по 2015 гг. и показатель «сальдо внутренней миграции» с 1967 по 2015 гг. Особое внимание было уделено временному отрезку с 2004 г., так как именно в этом году Польша стала полноправным членом ЕС, что ознаменовало новую институциональную эру в истории страны, что мы считаем является отдельным периодом процесса постсоциалистической трансформации Польши.

Политическая составляющая трансформации сведена к анализу электоральных процессов как некоего синтетического проявления общественных настроений и видения дальнейшего развития страны, а самое главное количественно измеряемое. Аналогично социально-экономической составляющей изучаемого явления политическая трансформация подробно рассматривается с момента вступления Польши в ЕС. В работе речь идет о референдуме о вступлении Польши в ЕС 2003 г., четырех избирательных кампаниях в парламент страны (Сейм) 2005, 2007, 2011, 2015 гг., вторых турах президентских кампаний 2005, 2010 и 2015 гг.

Исходными данными исследования послужила электоральная статистика по воеводствам и в разрезе повятов для четырех западных воеводств. В состав анализируемых статистических данных вошли следующие электоральные переменные: явка (отношение числа избирателей, принявших участие в голосовании к числу избирателей, имеющих право голоса) и доли голосов, отданных за ту или иную электоральную альтернативу.

В данном исследовании были рассмотрены следующие электоральные переменные (для парламентских выборов партии, преодолевшие 5% барьер, и коалиции, преодолевший 8% барьер, необходимый для попадания в Сейм; для президентских выборов – кандидаты, прошедшие во II тур; для референдума о вступлении в ЕС – доля голосов за и против:

«Лига польских семей» 2005

«Право и справедливость» 2005, 2007, 2011, 2015

«Союз демократических левых сил» 2005, 2011

«Гражданская платформа» 2005, 2007, 2011

«Польская крестьянская партия» 2005, 2007, 2011, 2015

«Самооборона РП» 2005

«Коалиция левых и демократов» 2007

«Движение Паликота» 2011

«Объединенные левые» 2015

«Кукиз`15» 2015

«Современная Ришарда Петру» 2015

Лех Качиньский 2005

Дональд Туск 2005

Ярослав Качиньский 2010

Бронислав Коморовский 2010

Анджей Дуда 2015

Бронислав Коморовский 2015

За вступление в ЕС

Против вступления в ЕС

Также отдельно анализировался уровень явки на всех изучаемых избирательных кампаниях.

Основным применяемым методом исследования был выбран корреляционный анализ, часто применяемый в рамках экологического подхода в электоральной географии. Исходные данные образовали матрицы, по которым были рассчитаны линейные коэффициенты корреляции Пирсона при уровне равном 0,001 (0,1%) или доверительной вероятности 99,9% для каждого выбора. С помощью компьютерной программы «SPSS» для статистической обработки данных были получены две матрицы корреляции (отдельно для уровня воеводств, отдельно для уровня повятов Западной Польши).

О наличии и характере связи между двумя пространственными распределениями электоральных альтернатив и их территориальных различиях указывает присутствие значимой корреляционной зависимости. Положительная значимая корреляция между парой электоральных распределений указывает на возможность избирателей одной и той же территории отдать свои голоса как одной, так и другой из них. Значимая корреляция с противоположным значением, то есть отрицательная, между парой электоральных распределений указывает на несовпадение зон поддержки данных альтернатив из чего следует, что переход электората между определенной парой альтернатив невозможен.

В результате изучения матриц были выделены три группы партий и кандидатов в президенты в зависимости от наличия положительной или отрицательной корреляции с другими элементами. Однако по причине отсутствия корреляционной зависимости, одна политическая сила осталась обособленной, не войдя ни в одну группу.

Далее были исследованы результаты избирательных компаний по каждой из групп по воеводствам, после чего были сопоставлены полученные результаты по избирательным кампаниям различных лет, что позволило проследить динамику изменений структуры голосования и выделить устойчивые тенденции в массовом избирательном поведении в Польше.

После чего были сопоставлены выводы об устойчивых тенденциях в избирательном поведении граждан и некоторые культурные и демографические особенности присущие населению западных воеводств, что позволило выявить особенности, характеризующие политическую культуру Западной Польши.

Затем на основе динамики схожих социально-экономических условий и динамики устойчивых тенденций результатов голосования были выделены три типа регионов, после чего была предпринята попытка путем анализа совокупности характеристик каждого из типов выделить центр-периферийные особенности социально-политической трансформации территории Западной Польши.

Глава 2. Трансформация социально-экономических условий Западной Польши

2.1. Динамика социально-демографической дифференциации территории Западной Польши

Социально-экономические процессы очень многообразны. Все они различаются по содержанию, срокам, темпам протекания и последствиям. Говоря о социально-политической трансформации необходимо понимать, что степень и значимость изменений, происходящих в обществе напрямую связана с динамикой социально-экономического развития. В свою очередь, социально-экономическое развитие является результатом совокупного и взаимосвязанного действия отдельных социально-экономических процессов, которые выражаются в виде показателя или индикатора, взятого на отрезке времени.

В настоящей работе с целью изучения социально-экономической трансформации были отобраны такие показатели как: естественный прирост, сальдо миграции, коэффициент демографической нагрузки населения и стоимость реализованной промышленной продукции. Выбранные показатели, для удобства проведения анализа, были разбиты на две группы – первые два индикатора, упомянутые выше, составили группу социально-демографических, оставшиеся же вошли в группу экономических показателей. Очевидно, что все перечисленные выше показатели имеют высокую степень зависимости друг от друга, однако, использованный подход позволит более детально изучить социально-демографическую и экономическую составляющие процесса трансформации общества.

Переходя непосредственно к изучению социально-экономической трансформации, необходимо обозначить тот факт, что Польша в своих современных границах сложилась по результатам послевоенного изменения границ. В течении изучаемого периода территория Польши подвергалась трем глобальным административно-территориальным реформам в 1946, 1975 и 1998 годах, это в свою очередь обусловило выбор различных административно-территориальных единиц, в качестве объектов изучения, которые, однако, имеют ярко выраженную преимственность и высокую степень совпадения границ, что позволяет с высокой точностью проводить исследование западных территорий Польши. Необходимо добавить, что для удобства визуализации изучаемых показателей на протяжении всего периода административно-территориальные единицы были объединены и приравнены к четырём современным воеводствам, образовавшимся в результате административно-территориальной реформы 1998 года. Таким образом в период с 1950 по 1998 годы Кошалинское и Щецинское воеводства вместе составили современное Западнопоморское воеводство. Любуское воеводство с 1950 по 1975 год было

представлено Зелёногурским воеводством, а в период с 1975 по 1998 годы было представлено Гожувским и Зелёногурским воеводствами. Нижнесилезское воеводство с 1950 по 1975 годы именовалось Вроцлавским, а в период с 1975 по 1998 годы было представлено четырьмя воеводствами: Еленягурское, Легницкое, Валбжихское и Вроцлавское. Что касается Опольского воеводства, несмотря на несколько переключений административно-территориального полотна на протяжении всего периода оно претерпевало незначительные изменения границ и всегда сохраняло своё название.

Показатель естественного прироста служит наиболее общей характеристикой интенсивности роста населения на территории. На рис. 3 представлена динамика данного показателя по отдельным воеводствам, существовавшим с 1946 по 1975 годы.

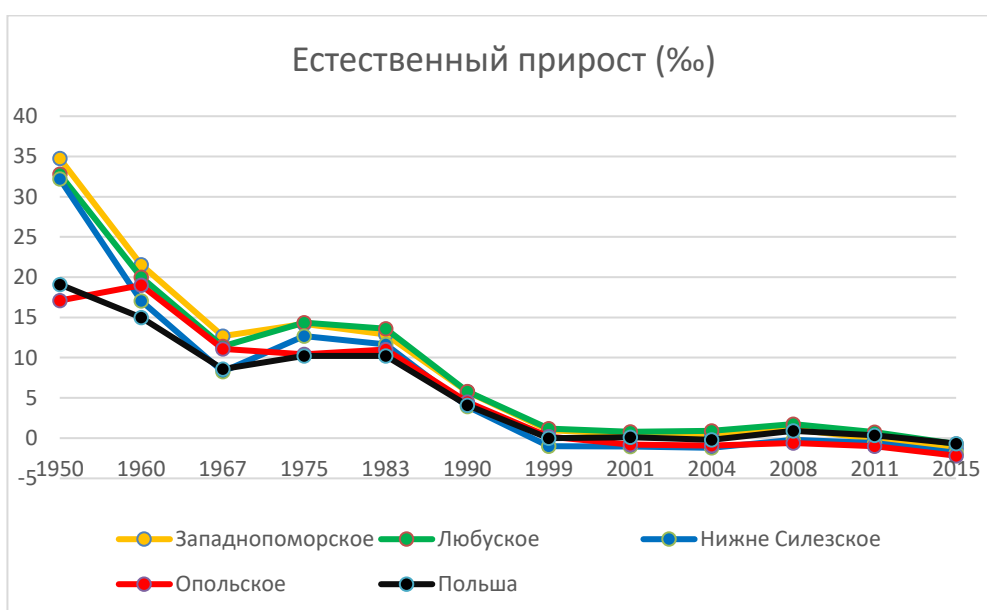

Рис. 3. Естественный прирост (‰) (создано автором).

Из графика видно, что на момент 1950 г., значения показателя естественного прироста очень высоки, что в целом типично для послевоенного периода «бума» рождаемости. Однако дифференциация среди воеводств Западной Польши весьма значительна. Значения показателей колеблются от 17,1‰ в Опольском воеводстве до 36,5‰ в Щецинском, в Кошалинском, Вроцлавском и Зеленогурском они составляли 33‰ 32,9‰ 32,8‰ соответственно. В целом рассматриваемые регионы превышают аналогичный средний показатель по Польше, который составляет 19,1‰. Соответственно можно утверждать, что население западной части страны в первое послевоенное десятилетие росло гораздо быстрее, чем в остальных частях. Это связано с тем, что основная масса переселенцев была представлена экономически активной фертильной возрастной группой населения. Это вероятно и является причиной крайне высоких темпов естественного прироста в данный период. Спустя 10 лет, к 1960 г. значения показателей

заметно снизились повсеместно, в среднем по стране он составил 15‰, однако гораздо больше в естественном приросте населения потеряли Щецинское воеводство, где значение снизилось на 16,6‰, Вроцлавское, где показатель составил 20,1‰, потеряв 12,8‰, идентичная динамика наблюдалась также в Зеленогурском воеводстве и городе Вроцлав, где значения естественного прироста опустились ниже среднего по стране и составили 14‰. Из общей тенденции выбивается Опольское воеводство, которое продемонстрировало положительную динамику и превысило среднее значение показателя в стране. По результатам данных можно судить, что тенденция более высокого естественного прироста на западе сохранилась. К 1967 году дифференциация среди регионов ощутимо снизилась, но все по-прежнему видна тенденция превышения значений западных воеводств над средним по стране.

В результате административно-территориальной реформы 1975 года, которая предполагала дробление территориальных единиц на более мелкие, на соответствующих территориях были образованы девять новых воеводств взамен пяти старым. На протяжении второй половины семидесятых и в первой трети восьмидесятых по-прежнему прослеживается дальнейшая тенденция к снижению естественного прироста, однако разница между значениями в 1975 и 1983 году очень мала по сравнению с изменением в предшествующий рассмотренный период. Наибольшее снижение продемонстрировали Еленегурское, Щецинское, Кошалинское и Гожувское воеводства, потеряв 1,8‰, 1,4‰, 1,2‰, 1,1‰ соответственно. Положительную динамику показало Опольское воеводство, прибавив 0,4‰, но по-прежнему являюсь аутсайдером в данной группе. Значения показателя в среднем по стране в этот временной отрезок не изменились и составили 10,2‰. По-прежнему рост населения в Западной Польше превышал уровень по стране, однако прослеживается ярко выраженная тенденция к сокращению этого отрыва. К 1990 году ситуация изменилась. Теперь уже не во всех рассматриваемых территориальных единицах значения показателя естественного прироста превышали средний по стране, пробили эту отметку и опустились ниже такие воеводства как: Валбжихское, Вроцлавское и Еленегурское и составили 2,4‰, 3,1‰ и 3,9‰ соответственно. Среднее значение по стране к тому времени опустилось до 4,1‰. Несмотря на то, что большая часть воеводств по-прежнему демонстрировала более высокие значения естественного прироста, отрицательная динамика по всем описываемым территориям превышала аналогичную в среднем по Польше. Наибольших значений она достигла в Валбжихском, Зеленогурском, Еленегурском, Легницком и Гожувском воеводствах, падение составило 8,5‰, 8,4‰, 7,6‰, 7,4‰ и 7,2‰ соответственно, в то время как падение в среднем по стране составило 6,1‰. Резюмируя вышесказанное необходимо отметить, что значения показателя

естественного прироста в западных воеводствах к 1990 года приблизились к среднему по стране и утратили ранее просматриваемую особенность, связанную с более высоким естественным приростом.

В 1998 году территория Польши вновь подверглась административно-территориальной реформе, на изучаемой территории образовались четыре воеводства: Западнопоморское, Любуское, Нижнесилезское и Опольское, которое, стоит отметить, существовало на протяжении всего рассматриваемого периода времени. К 1999 году естественный прирост продолжал падать и на некоторых территориях смертность превысила рождаемость, следственно естественный прирост превратился в естественную убыль населения. Минимальные значения были достигнуты в Лодзинском -3,6 %, Свентокшиском -1,1%, Силезком -1,2%, Люблинском -0,1%, Мазовецком -1,3% и Нижнесилезском воеводствах -1%, то есть на юге, востоке и в восточной части центра страны. Положительные значения естественного прироста сохранялись в Варминьско-Мазурском, Поморском, Малопольском, Куявско-Поморском, Западнопоморском, Подкарпатском и Любуском воеводствах, что за исключением Подкарпатского воеводства представляет собой север, северо-запад и часть центра страны. Падение естественного прироста продолжалось вплоть до 2004 года, после которого наметился некоторый подъем, который достиг своего пика в 2008 году. Среди воеводств с положительным естественным приростом находятся и Любуское – 1,8% и Западнопоморское – 1,1%, которые располагаются на северо-западе страны, а среди воеводств с отрицательными значениями естественного прироста расположились Нижнесилезское и Опольское, которые занимают юго-запад страны, однако даже в пиковый 2008 год значения едва ли приближаются к нулю и составляют -0,2% и -0,6% соответственно. После пика в 2008 году, снова наметилась тенденция к снижению естественного прироста населения, и к 2015 году лишь пять воеводств имели положительные значения показателя: Поморское 1,55% Велькопольского 1,03%, Малопольское 0,99%, Мазовецкого 0,45% и Подкарпатские 0,07%. Все остальные территории испытывали естественную убыль населения, среди которых оказались и исследуемые западные воеводства Опольское - 2,18%, Нижнесилезское -1,82%, Западнопоморское -1,27% и Любуское -0,72%. Относительно данных воеводств на протяжении всего XXI века прослеживается более высокий естественный прирост на севере и более низкий на юге (рис.1).

Для того, чтобы более подробно рассмотреть изменение ситуации по западным воеводствам, необходимо рассмотреть показатель естественного прироста по повятам. В Западнопоморском воеводстве к 2001 году в целом показатель был немного выше нуля.

На локальном уровне отчетливо видно, что все повяты имеют положительное значение естественного прироста, вместе с тем наибольшими значениями отмечаются Дравский 2,17%, Кошалинский 3,4%, Полицкий 3,62%, Валецкий 2,46%, Голеньовский 1,96%, Грыфинский 2,29% и Славенский 1,97%, которые располагаются вдоль западных и восточных границ воеводства, но в том же году города, имеющие статус повята, показывают отрицательные значения, а именно г. Кошалин -0,18%, г. Свиноуйсьце -1,64% и г. Щецин с минимальным значением по воеводству -2,22%. К 2004 году в городах со статусом повята естественный прирост увеличился и в г. Кошалин перешагнул через нулевой барьер и встал на отметке в 0,36%, в г. Свиноуйсьце значение увеличилось на 0,3%, а в г. Щецин на 0,47%. Однако в остальных частях воеводства наблюдалось снижение естественного прироста, и в некоторых из них он достиг отрицательных значений: Бялогардский -0,49%, Свидвинский -0,48%. В 2008 году естественный прирост увеличился в среднем по воеводству, повторяя общую тенденцию к увеличению показателя по стране, однако в г. Кошалин значение показателя уменьшилось, вновь став отрицательным, в других же городах со статусом повята г. Щецин и г. Свиноуйсьце произошел небольшой рост в сторону нуля. В остальных повятах воеводства также наблюдался рост, исключением стал Дравский повят, естественный прирост в котором, не смотря на предшествующие лидирующие позиции, значительно снизился и остановился на отметке в 0%. К 2015 году значение показателя по воеводству опустилось до -1,27%, практически все повяты теперь испытывают естественную убыль населения, аутсайдерами стали г. Свиноуйсьце -5,12%, Каменьский повят -3,5%, Мыслибуржский повят -2,17%, г. Щецин -2,16% и г. Кошалин -1,67%, напротив традиционно высокие темпы естественного прироста вновь демонстрирует Полицкий повят 3,45% и Старгардский 0,45%. Очевидной и вполне закономерной особенностью в пространственных различиях внутри Западнопоморского воеводства является низкий естественный прирост в городах и более высокий в менее урбанизированных повятах.

На протяжении XXI века в Любуском воеводстве отмечался естественный прирост населения и только к 2015 году он упал ниже нулевой отметки. В первой половине рассматриваемого периода наблюдался рост значений показателя вплоть до 2008 года, где достиг пикового значения, после чего наметился спад, этой же общей тенденции следует все повяты практически без исключения. Если в 2001 году только четыре повята из четырнадцати имели отрицательное значение показателя, то к 2015 году только четыре повята имели не отрицательные значения. Исключением является г. Зелёна-гура, который имея на 2001 год показатель естественного прироста -0,85%, продемонстрировал резкий рост к 2004 году достигнув отметки в 1,05%, после чего наметилась тенденция на

снижение, однако к 2015 году все ещё наблюдался естественный прирост, который составил 0,07‰.

В Нижнесилезском воеводстве за последние пятнадцать лет наблюдались отрицательные значения естественного прироста с некоторым повышением от 2001 к 2008 году, однако к 2015 году показатель достиг исторического минимума, как и во многих других частях страны. Положительный естественный прирост в течение практически всего рассматриваемого периода (2001-2011 гг.), исключая период от 2011 до 2015 года, наблюдался в Болеславецком повяте 0,73‰ и 1,25‰ соответственно, в Глогувском 2,89‰ и 2,88‰, в Гурувском 2,90‰ и 0,84‰. Наименьшему снижению подверглись Миличский, Олесницкий, Олавский, Польковицкий и Тшебницкий повяты, которые на протяжении всего периода не опускались на отметки ниже нуля. Интересен тот факт, что города, имеющие статус повята Легница и Вроцлав, не отличаются низкими значениями относительно менее урбанизированных повятов. Только г. Еленя-Гура имеет одни из самых низких значений, наряду с Дзержонювским, Клодзским, Валбжихским и Замбковицким повятами, естественный прирост которых колеблется от -4 до -6‰.

В Опольском воеводстве так же, как и в целом по стране наблюдался рост до 2008 года, затем падение, при чем в течение всего новейшего периода истории страны значения естественного прироста были отрицательны. Наиболее яркую отрицательную динамику демонстрировали Глубчицкий, Ныский и Прудницкий повяты, значения которых опустились до -5‰ к 2015 году, примечательно, что все перечисленные повяты примыкают к южной границе воеводства. Наибольшие значения естественного прироста показали г. Ополе и Опольский повят, значения которых снизились незначительно, а в городе со статусом повята Ополе напротив естественный прирост в 2015 году был выше аналогичного показателя в 2001 году.

Подводя итог вышесказанного стоит отметить, что на протяжении XX в. западные воеводства характеризовались более высоким естественным приростом по отношению к остальной территории страны, однако в XXI в. потеряли данную особенность и кривая естественного прироста стала все больше походить на аналогичные в других частях страны. В целом же отчетливо проявляется северо-южный градиент, Западнопоморское и Любуское воеводства имеют относительно высокие показатели естественного прироста, а Нижнесилезское и Опольское одни из самых низких. Примечательно также то, что в северо-западных воеводствах наблюдается низкий естественный прирост в городах относительно остальных повятов, зеркальная же ситуация наблюдается в юго-западных, в особенности в Опольском воеводстве.

Показатель «сальдо внутренней миграции» показывает разницу в числе прибывших на какую-либо территорию и убывших с нее за определенный промежуток времени. Относительно воеводств, существовавших с 1946 по 1975 гг. есть возможность проанализировать показатель только за 1967 г., так как для 1950 и 1960 гг. данные отсутствуют. Таким образом, наиболее высокая интенсивность прибытия была зарегистрирована в городе Вроцлав, где сальдо миграции составляет 6,9 на 1000 чел. Наиболее значительная убыль населения наблюдается в воеводстве Вроцлавское, в данном случае сальдо миграции составляет -5.1 на 1000 человек. К числу территорий с низким показателем по количеству приезжих относятся также Кошалинское и Зеленоугорское воеводства, здесь сальдо составляет -2.3 и -1.2 на 1000 чел. соответственно. В оставшихся воеводствах преобладает положительное сальдо, однако значительно меньше чем у лидера. В Щецинском 0.9 на 1000 человек, а в Опольском несколько ниже, 0.5.

После реформы в 1975 г. можно проследить динамику внутренней миграции среди новообразованных административно-территориальных единиц с 1975 по 1990 гг. С середины семидесятых и до начала восьмидесятых в четырех из девяти воеводствах наблюдается миграционная убыль. К ним относятся Легницкое, где сальдо миграционного прироста изменилось с 6.5 до 2.5 на 1000 чел., Опольское с 1.1 до 0.5 на 1000 чел., Щецинское с 0.7 до -1.3 на 1000 чел., Вроцлавское с -0.4 до -1 на 1000 чел. Положительная тенденция миграционного прироста наблюдается в оставшихся воеводствах. Наиболее заметный скачок замечен в Зеленогурском воеводстве, составивший подъем с -5.1 до -1.6 на 1000 чел., чуть менее резкий скачок обозначен в Еленьгурском воеводстве с -6.2 до -2.8 на 1000 чел. Воеводства Гожувское, Кошалинское и Валбшихское не отличаются стремительным ростом населения за счет внутренней миграции, однако и здесь наблюдается положительный прирост за счет приезжих. Таким образом, увеличения происходили с -1.8 до -0.3, с -0.7 до -0.1 и с -6 до -4 соответственно.

За период с 1983 и до 1990 гг. ситуация значительно изменилась в положительную сторону в большинстве административно-территориальных единиц по показателю «сальдо внутренней миграции на 1000 чел.». Лишь в Гожувском и Легницком воеводствах наблюдается отток населения, достигая -1.1 и -1.4 на 1000 чел. соответственно. Относительно положительных изменений наиболее яркими являются воеводства Зеленогурское, где сальдо выросло на 2.5 и достигло отметки в -0.9 и Щецинское, где сальдо выросло на 2.1 и достигло 0.8 на 1000 чел. Положительное сальдо стало в Кошалинском воеводстве и составило 1.1 на 1000 чел., также заметный приток замечен во Вроцлавском воеводстве и равен 0.1 и Опольском, где произошло незначительное

изменение с 0.5 до 0.7 на 1000 чел. В остальных случаях сальдо миграционного прироста также произвело заметный скачок, однако не стало положительным, к ним относятся: Еленягурское (-1.9) и Волшибхское (-2.6).

В ходе очередной реформы территории Польши в 1998 г. появилось четыре новых административно-территориальные единицы. Анализируя показатели внутренней миграции страны ведущим показателем по миграционному приросту является Мазовецкое воеводство, где сальдо внутренней миграции составляет 2.3 на 1000 чел. к 2015 г., несмотря на незначительное уменьшение с 2004 г. (на 0.3), с 1999 показатель вырос с 1.3 до 2.3 на 1000 чел.

Помимо Мазовецкого воеводства, положительные значения сальдо внутренней миграции, что указывает на миграционный приток населения, к 2015 г. наблюдаются на следующих территориях: Малопольское, Поморское, Велькопольское, Нижнесилезское воеводства. Для первых двух воеводств сальдо составляет 1 и 1.5 на 1000 чел. соответственно и без значительных скачков за весь рассматриваемый период. Последующие два имеют значения ниже единицы, а именно 0.3 (снижение с 2001 г.), и 0.9 (увеличение с 1999 г.).

В целом западные воеводства испытывают отток населения в рассматриваемый период, к примеру, в Западнопоморском отток увеличивается от 1999 года к 2008 году, в котором был достигнут минимум (-0,7 на 1000 чел.), после чего ситуация начинает улучшаться и к 2015 году показатель достигает значения в -0.4 на 1000 чел. В Любуском воеводстве за XXI век отмечается исключительно отрицательные значения сальдо миграции, с достижением минимума (-0,8 на 1000 чел.) в 2001 году, после чего происходит уменьшение оттока населения к 2008 году, в котором значение показателя составило -0,2 на 1000 чел., однако к 2015 году происходит относительно резкое снижение с достижением точки в -0,9 на 1000 чел. В Опольском воеводстве происходит увеличение оттока населения с 1999 года, когда сальдо миграции составляло 0 на 1000 чел., до -0,8 в 2015 году. Исключением из общего ряда является миграционная ситуация в Нижнесилезском воеводстве, в рамках которой происходит постепенное увеличение притока населения с -0,1 на 1000 чел. в 1999 году до 0,9 на 1000 чел. в 2015 году. Обобщая вышесказанное следует отметить, что наиболее депрессивными воеводствами в отношении миграционного сальдо являются Любуское и Опольское воеводства, также показывает отрицательную тенденцию, однако более скромную Западнопоморское воеводство и совершенно противоположным образом ведет себя Нижнесилезское воеводство (рис. 4).

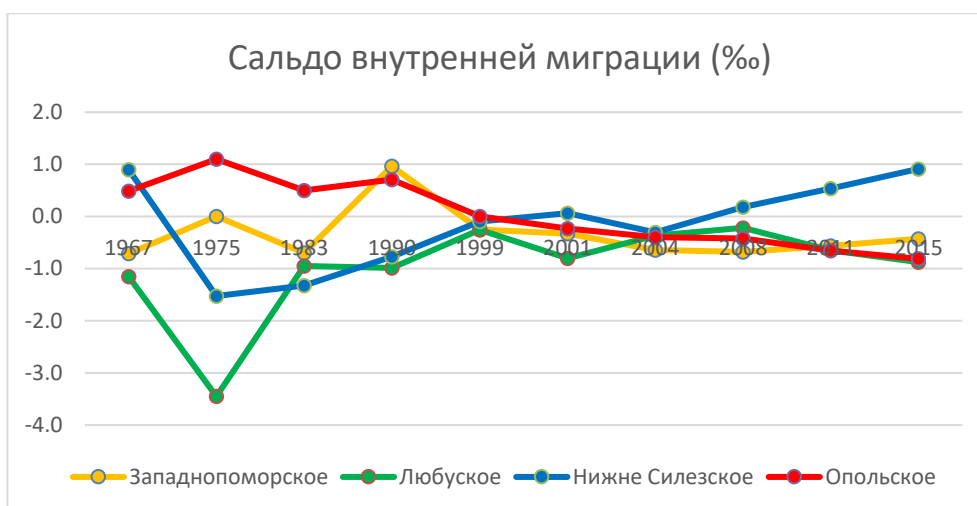

Рисунок 4. Сальдо внутренней миграции (‰) (создано автором).

Остальные воеводства являются наименее притягательными для населения, поэтому в них отток превалирует над притоком. Таким образом, минимальный показатель по воеводствам относится к Люблинскому и составляет -2.2 на 1000 чел.

Рассматривая западные территории более детально, стоит отметить, что в Западнопоморском воеводстве наиболее притягательными для населения являются Голеньовский повят, в пределах которого значения миграционного сальдо растут с 1 на 1000 чел. в 1999 году до 2,4 в 2004, после чего падает до 0,4 к 2015 году, Кошалинский повят, в котором рост происходил с 0,7 на 1000 чел. в 1999 году до 4,7 в 2004, после чего показатель медленно снижался к 2011 году, где составил 3,6, однако к 2015 году произошел резкий спад и наблюдался уже отток населения со значением показателя -1,7. Интересно, что в крупных городах, таких как Щецин, Свиноуйсьце и Кошалин миграционная картина выглядит удручающе вплоть до 2011 года, однако к 2015 ситуация радикально меняется и наблюдается приток населения.

В Любуском воеводстве центрами притяжения населения являются Гожувский повят, на территории которого на протяжении всего периода наблюдается значительное положительное сальдо миграции. Другими очагами притяжения населения здесь являются г. Гожув-Велькопольский, г. Зелёна-Гура и Зелёногурский повят. В остальных повятах, как и в целом по воеводству, наблюдается явный прогрессирующий отток населения. Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что в пределах Любуского воеводства отчетливо видны два центра притяжения населения – это г. Гожув-Велькопольский вместе с окружающим его Гожувским повятом и г. Зелёна-Гура также с опоясывающим его одноименным повятом.

В Опольском воеводстве все повяты за исключением г. Ополе подвержены тенденции к плавному увеличению оттока населения. Город-повят Ополе имел тенденцию

к увеличению притока населения с 2,9 на 1000 человек в 1999 году до 3,9 в 2008, после чего наметился спад до 2 на 1000 чел. к 2015 году. Исходя из анализа данных по Опольскому воеводству, можно утверждать, что имеется ярко выраженный центр притяжения в лице столицы воеводства и периферия, испытывающая отток населения.

В Нижнесилезском воеводстве несколько иная ситуация, характеризующаяся оттоком населения со значением -0,1 на 1000 чел. в 1999 году до -0,3 в 2004 году, после чего наметился подъем вплоть до 2015 года, где значение миграционного сальдо составило 0,9 на 1000 человек. Несмотря на положительную тенденцию по воеводству в целом, большая часть повятов испытывает отток населения, однако кардинально меняют ситуацию г. Вроцлав, на протяжении всего XXI века, остававшийся привлекательным для внутренних мигрантов местом, Вроцлавский повят, который демонстрирует поразительные показатели относительно других районов, сохраняя тенденцию на возрастание с 6 на 1000 чел. в 1999 году до 21,7 в 2015. Другими притягательными полюсами являются Тшебницкий, Легницкий, Сьродский и Еленегурский повяты, при том что города Легница и Еленя-Гура в целом испытывают отток населения.

Подводя итог, необходимо отметить, что для западных воеводств характерен отток населения и лишь Нижнесилезское воеводство, после 2004 года становится привлекательным для внутренних мигрантов. В целом же внутри каждого из воеводств прослеживается центр-периферийная дифференциация, где центр является, как правило, реципиентом, а периферия донором человеческих ресурсов.

2.2. Динамика экономического развития регионов Западной Польши

С целью более детального изучения экономического аспекта социально-экономической трансформации польского общества были выбраны, как уже упоминалось ранее, следующие показатели: коэффициент демографической нагрузки и стоимость реализованной промышленной продукции на душу населения. При чем последний будет рассматриваться относительно среднего значения по стране в конкретный временной период в случае с анализом воеводств и относительно среднего уровня по отдельно взятому западному воеводству в случае с анализом по повятам.

Коэффициент демографической нагрузки является обобщенной количественной характеристикой возрастной структуры населения, которая показывает нагрузку на общество неработающим населением. Несмотря на то, что данный коэффициент является производной от демографических показателей, он непосредственно влияет на экономическое развитие общества, являясь отношением числа нетрудоспособного населения к количеству экономически активного населения.

Анализируя статистические данные половозрастной пирамиды западных воеводств Польши, можно увидеть, что к 1960 году значения рассматриваемого коэффициента сильно разнились среди изучаемой группы воеводств. В среднем по Польше на 1960 год коэффициент демографической нагрузки был равен 83,8 и постепенно снижался к 1967 году достигнув отметки в 65,8. Во всех западных воеводствах за этот период также произошло уменьшение нагрузки на население в производительном возрасте, при чем если на 1960 год демографическая нагрузка в Вроцлавском и Щецинском воеводствах была выше, чем в среднем по стране, то уже к 1967 году преодолела этот барьер и выражалась в значениях 62,7 и 61,3 соответственно. Все остальные регионы повторили общую тенденцию по стране, за исключением Опольского воеводства, коэффициент демографической нагрузки которого в 1960 году был равен 77,2 и у 1967 году снизился лишь на 4,7, превысив тем самым среднее значение по стране, чего ранее не происходило.

К 1975 году в целом среди западных регионов произошло снижение демографической нагрузки, несмотря на то, что в Польше в целом она незначительно выросла, достигнув отметки в 72,2, исключение составило Опольское воеводство, демографическая нагрузка в котором продолжала расти. К 1983 году значение коэффициента незначительно снизилось, достигнув отметки в 69,6, данную тенденцию повторили Опольское воеводство, где демографическая нагрузка снизилась на 7,4, менее сильный спад значений показали также Гожувское, Зелёногуское и Кошалинское воеводства, в остальных регионах наметилась тенденция к увеличению, за исключением Еленегурского воеводства, которое показало нулевую динамику. К 1990 году все без исключения западные регионы, как и Польша в целом были подвержены тенденции на увеличение демографической нагрузки.

За десятилетний период к 1999 году абсолютно все воеводства претерпели снижение демографической нагрузки, после чего общая для всех тенденция к понижению значения коэффициента продолжилась вплоть до 2008 года, где был достигнут минимум. Среди регионов лидеров, где коэффициент демографической нагрузки принимал минимальные значения, оказались все западные воеводства: Любуское 43,1, Западнопоморское 43,2, Нижнесилезское 43,8, Опольское 43,9, в числе лидеров также оказались Варминьско-Мазурское и Велькопольское воеводства. В период с 2008 до 2015 годов прослеживается тенденция на увеличения значения коэффициента демографической нагрузки. Западные воеводства в некоторой степени уступили свои лидирующие позиции, однако лишь потому, что Варминьско-Мазурское и Подкарпатское воеводства показали менее стремительное увеличение коэффициента демографической нагрузки [рис. 5].

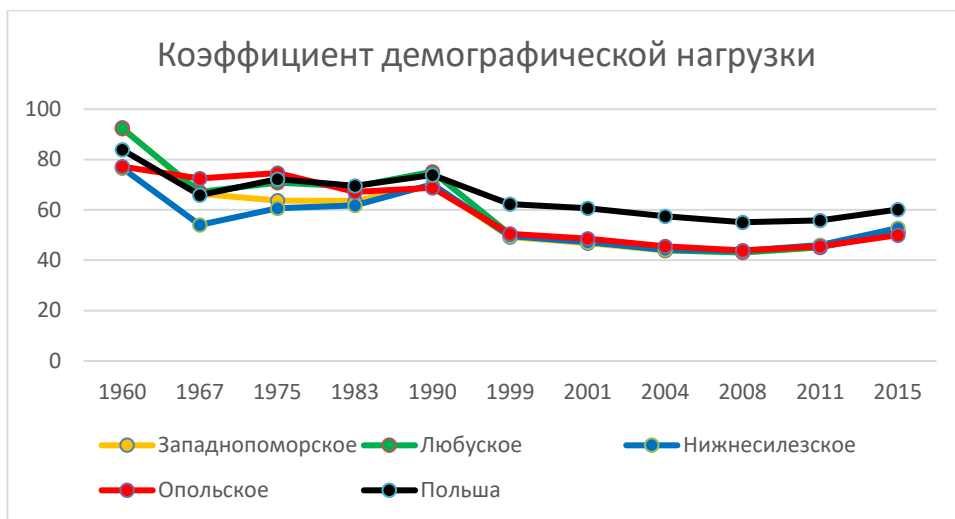

Рис. 5. Коэффициент демографической нагрузки (создано автором).

Рассматривая пространственные особенности коэффициента демографической нагрузки на внутрирегиональном уровне отчетлива видна картина, характеризующая сосредоточение наименьшей демографической нагрузки в городах со статусом повята и окружающих их воеводств в период с 1999 года до 2008. К примеру, в Западнопоморском воеводстве наименьшие значения коэффициент принимает город Свиноуйсьце со значениями 41,5 в 1999 году и 39,4 в 2008, город Щецин с 44,6 в 1999 году и 42,7 в 2008, город Кошалин, где также отмечалось падение с 42,5 до 40,9 за тот же период. Значения в остальных повятах также снижались, однако в среднем превышали значение по городам на 4 – 8 единиц. Во второй половине рассматриваемого периода ситуация радикально поменялась и к 2015 году, при общей для всех районов тенденции к повышению значения коэффициента, самая высокая демографическая нагрузка отмечалась в городах-повятах, превышая значения менее урбанизированных территорий на 5 – 10 единиц. Аналогичная ситуация динамики коэффициента демографической нагрузки присуща и трем другим западным воеводствам.

По показателю «стоимость реализованной промышленной продукции на душу населения», взятого относительно среднего значения по Польше, который принимается равным 100 в любой отрезок времени, можно судить об объемах промышленного производства и структуре промышленности на территории, является ли она в большей степени добывающей или обрабатывающей.

Обращаясь к рисунку 10, можно заметить, что в период с 1950 по 1967 гг. уровень промышленного производства в западных воеводствах не однороден. В число лидеров входят Опольское и Вроцлавское воеводство со значениями 102,1 и 151,5 в 1950 году и достигают значения в 125,5 и 116,5 соответственно к 1967 году. Следовательно, можно предположить, что темпы роста промышленного производства в Опольском воеводстве

были выше, чем по стране, а во Вроцлавском ниже. На рисунке также представлен г. Вроцлав в качестве отдельного региона, и не удивительно, что объемы промышленного производства на душу населения в 1,7 – 2,1 раза больше чем по стране, однако город утрачивал преимущество на протяжении периода первичного административно-территориального деления страны. Что касается аутсайдеров, то самым ярким из них является Кошалинское воеводство, со значениями в 37,8 в 1950 году и 46,1 к 1967 году.

В период с 1975 года по 1990 только два из девяти воеводств того периода имели уровень промышленного производства на душу населения меньше, чем в среднем по Польше, а именно все то же Кошалинское вместе с Гожувским, при чем к 1990 году разрыв только увеличился, где достигли значений в 33,9 и 57,6 соответственно. Большинство воеводств в рассматриваемый период испытывали рост промышленного производства очень напоминающий средний по стране и к 1990 году максимальные отклонения составляли на 6,1 меньше в Зелёногурском и 17,2 в Опольском. Нарушающим общий тренд оказалось Легницкое воеводство, продемонстрировавшее огромный рост с 149 в 1975 году до 298,4 в 1990. В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что в юго-западных воеводствах промышленное производство развито сильнее, чем в северо-западных.

В период с 1999 по 2015 гг. по уровню промышленного производства на душу населения наблюдается два очевидных лидера, а именно Мазовецкое и Силезское, которые поочередно отбирают друг у друга пальму первенства. Среди аутсайдеров выделяются: Люблинское воеводство, значения показателя в котором колебалось от 44 до 48,1, Подляское от 54 до 58, Свентокшиское и Варминьско-Мазурское с чуть более высокими показателями, примечательно, что все вышеперечисленные воеводства располагаются на востоке страны. Что касается западных регионов, то все они в первой половине рассматриваемого периода находятся на уровне развития промышленности, уступающим аналогичному показателю по Польше, и лишь Нижнесилезское воеводство к 2004 году обгоняет средний уровень страны и далее продолжает увеличивать отрыв, в результате чего к 2015 году достигая значения показателя в 122,4, уступая только вышеупомянутым лидерам и Велькопольскому воеводству (рис. 6).

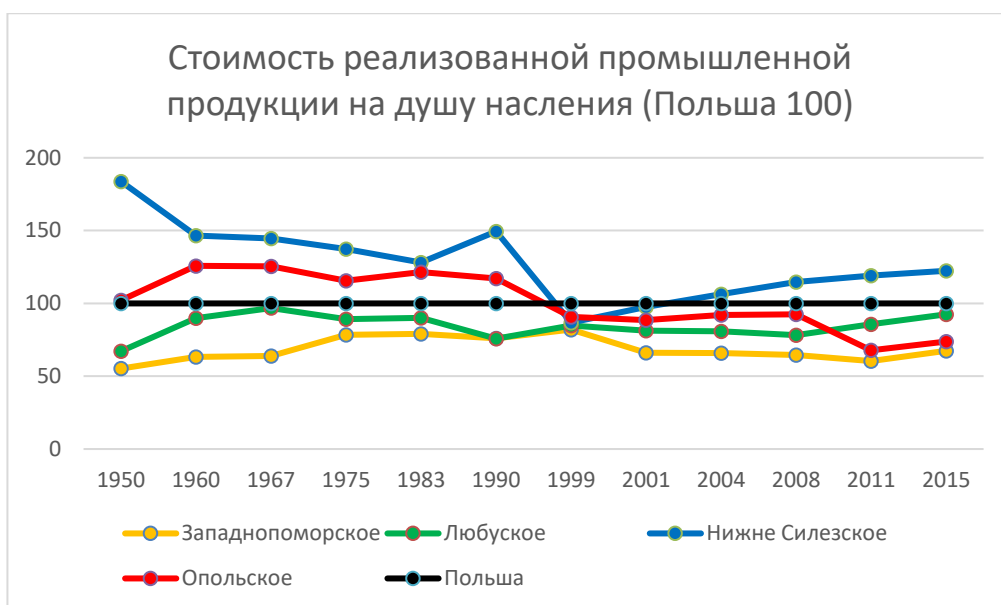

Рис. 6. Стоимость реализованной промышленной продукции на душу населения по отношению к среднему показателю по стране (создано автором).

При подробном рассмотрении пространственных различий в уровне промышленного производства внутри Западнопоморского воеводства, выделяются Голеньовский повят, показавший самый стремительный рост от 101,2 в 1999 году до 405,8 в 2011, после чего к 2015 произошло некоторое снижение до 373, Щецинский повят, продемонстрировавший небольшое снижение значения показателя от 226,6 в 1999 году до 194,9 к 2015 году, Полицкий повят, в пределах которого также происходило снижение, но при очень высоких значениях, от 329,7 в 1999 до 276,2 к 2015 году. Примечательно, что города-повяты имеют значения значительно ниже, чем в перечисленных выше районах, в г. Щецин значения показателя снизилось от 120,1 в 1999 году до 94,7 к 2015 году, в городе Кошалин со 126,6 до 110,9 за аналогичный период, в г. Свиноуйсьце продемонстрировал рост от 34,9 до 52,6, что говорит о низком уровне промышленного производства. Необходимо заметить, что основная масса промышленного производства в начале рассматриваемого периода была сосредоточена в северо-западной части воеводства, но к 2015 году произошла достаточно весомая нивелировка расположения промышленного потенциала территорий, ведь за редким исключением, основная масса повятов продемонстрировала тенденцию к увеличению значения показателя.

В Любуском воеводстве промышленный потенциал территории распределён более равномерно, особо отметить можно Гожув-Велькопольский, значения показателя которого росли в данный временной отрезок от 161,6 до 183,8, также окружающий его Гожувский повят со значением в 196,4 в 1999 году, которое незначительно снизилось к 2015 году и

составило 180,1. Другой крупный город воеводства Зелёна-Гура продемонстрировало резкое падение с 95,6 в 1999 году до 49,1 к 2015 году.

Внутри Нижнесилезкого воеводства выделяются г. Вроцлав вместе с Вроцлавским повятом, увеличившими свой уровень промышленного производства, Волувский, значения в котором упали с отметки в 142,1 в 1999 году до 131,5 в 2015. Высокими значениями показателя также характеризуются Сьродский и Олавский повяты. Уровень промышленного производства по воеводству является одним из самых высоких по стране, внутри региона промышленный потенциал, хотя и относительно других воеводств распределён довольно равномерно, однако все же наблюдается повышенная его концентрация рядом с г. Вроцлав.

В Опольском воеводстве отмечается особенно высокая пространственная дифференциация промышленного потенциала. Наибольшее значение показателя достигается в Кендзежинско-козельском повяте, который демонстрирует рост с 167,1 в 1999 году до 191,9 к 2015. Крапковицкий повят, напротив демонстрирует положительную тенденцию со значения показателя 278,9 в 1999 году до 451,8 к 2008 году, после чего происходит снижение до 180,8 к 2015 году. В г. Ополе после незначительного падения с 134,7 в 1999 году до 118,1 к 2008 году, после чего демонстрирует рост до 175,6 к 2015 году. По результатам анализа, становится очевидной концентрация промышленного потенциала в г. Ополе и примыкающих к нему с востока вышеперечисленных повятах.

Подводя итоги проведенного анализа, необходимо отметить, что по уровню промышленного производства на сегодняшний день западные территории Польши несколько отстают от среднего уровня по стране, обгоняя лишь в большей степени аграрные воеводства восточной части страны, исключением в данном случае является Нижнесилезкое воеводство, уровень промышленного производства в котором превышает таковой в Польше, уступая лишь извечным лидерам центральной части страны.

Глава 3. Пространственные особенности политической трансформации Западной Польши

3.1. Пространственные различия устойчивых тенденций в массовом избирательном поведении в Польше

История процесса политической трансформации в Польше как и в других постсоциалистических странах на сегодняшний день насчитывает лишь около тридцати лет и в свою активную фазу он входит с крушением мировой социалистической системы и Организации Варшавского договора. Несомненно, зачатки свободной политической жизни общества и формирования политической культуры зарождались еще в социалистический период истории страны при тотальном контроле со стороны государственных органов и единоличном правлении Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Назревавшие изменения в тот период были связаны с организацией независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность», образованного в 1980 году, который, пройдя сложный путь через преследования и гонения, в 1989-1990 гг. стал важнейшей силой, осуществившей мирную революцию и демонтаж ПОРП в Польской Народной Республике. В последующий период девяностых и начала двухтысячных годов шла активная перестройка экономической модели хозяйствования, разрушения прежних экономических связей и выстраивание новых вместе с процессом интеграции в мировое хозяйство, что далеко не всегда и не для всех регионов страны сразу и незамедлительно оборачивалось выгодой. На фоне глобальных перемен в социально-экономическом укладе, активные изменения претерпевала и политическая культура граждан Польши, которая впервые за длительный период формировалась под воздействием естественных условий, а не диктовалась и ограничивалась государственным аппаратом и хорошо развитой системой пропаганды.

Более глубокому изучению политической трансформации в настоящей работе будет посвящен период с момента вступления Польши в Европейский Союз, ведь именно с этого момента социально-экономическая и политическая трансформация в стране происходит под влиянием институциональных условий ЕС, что ознаменовало собой наступления нового периода развития. Движение в сторону европейской интеграции наметилось еще за долго до непосредственно ратификации договора о вступлении Польши в Европейской Союз. В принципе польское общество однозначно поддерживает этот процесс, что в полной мере проявилось в ходе референдума о вступлении в ЕС, когда более 70% поляков высказались «за» (Лыкошина, 2004).

Говоря о пространственных различиях относительно результатов референдума 2003 года о вступлении Польши в ЕС, выделяется отчетливый западно-восточный градиент. Хотя, как было упомянуто ранее, в целом польское общество с энтузиазмом

восприняло идею о всесторонней европейской интеграции, отчетливо видно, что наименьшее количество голосов «за» было отдано в Люблинском и Подляском воеводствах с 63,2% и 68,6% соответственно. Незначительно перешагнули барьер в 70% голосов «за» Подкарпатское, Лодзинское и Мазовецкое воеводства. Далее с движением на запад прослеживается тенденция к усилению поддержки вынесенного на референдум вопроса. Самые высокие результаты голосов «за» были отмечены в четырех западных воеводствах: Западнопоморском – 84,5%, Любуское – 84%, Нижнесилезское - 83,7%, Опольское - 84,9%, в число лидеров также вошли Силезское – 84,5%, Варминьско-Мазурское – 81,7% и Поморское – 80,2%. Все перечисленные административно-территориальные единицы располагаются на территориях во многом имеющих общие исторические особенности, чьи «колеи развития» испытали сильное влияние прусской администрации и взаимодействия с немецким населением. Что касается политической активности граждан, то в целом прослеживается идентичная зависимость от географического положения, где западные и северные воеводства отличаются повышенным уровнем явки, повсеместно приближающейся к 60%, а в некоторых, таких как Силезское и Поморское превышает эту отметку. Высокие показатели явки также продемонстрировали жители центральных, социально-экономически развитых воеводств: Велькопольское и Мазовецкое. На восточных окраинах страны люди с меньшей активностью поучаствовали в референдуме, хотя нигде явка не опускалась ниже 50%: Свентокшиское – 52,1%, Подляское – 52,7%.

Прежде чем перейти к анализу пространственных особенностей устойчивых тенденций в массовом избирательном поведении необходимо упомянуть о некоторых особенностях избирательной системы в стране. Избирательная система в Польше пропорциональная с индивидуальным выбором, что предполагает выбор избирателем из партийного списка конкретную фамилию, в связи с чем мандаты распределяются на окружном, а не на национальном уровне. Ещё одной особенностью распределения мандатов является применение метода д'Ондта (метод Джефферсона). Это метод делителей, который состоит в последовательном делении числа голосов, отданных за каждую из партий, на ряд чисел: 1, 2, 3, 4, 5, и т.д. Полученные частные ранжируются в порядке убывания значений и из них последовательно отбираются столько наибольших частных, сколько нужно распределить мест. Для Польши это 460 наибольших частных, соответствующих числу мест депутатов в нижней палате парламента (Сейме). При использовании данного метода наибольшую выгоду получают крупные широко поддерживаемые партии. В довесок эта особенность усиливается избирательным барьером, который в Польше составляет 8% для коалиций и 5% – для партий.

Также немаловажной особенностью польской политической культуры является то, что в целом всех политически активных граждан Польши можно разделить на две примерно равные части: леволибералы и консерваторы. В свою очередь данная электоральная характеристика польского общества предопределила существование и функционирования партий в какой-то одной части этого спектра. Партии создаются и распускаются, объединяются в коалиции и распадаются на части, но суть политической идеологии не выходит за рамки леволиберального и консервативного течений. Характерным отличием польского идеологического спектра по сравнению с классическим также является сильный уклон «вправо».

С целью изучения идеологического спектра польских политических сил и политической культуры общества на основе важнейших политических событий, состоявшихся в период с момента вступления страны в ЕС и до настоящего времени, был проведен корреляционный анализ между результатами голосования на референдуме 2003 года, партиями, которые 2005, 2007, 2011 и 2015 годах прошли пятипроцентный барьер и добились председательства в Сейме и вторыми турами президентских выборов 2005, 2010 и 2015 годов соответственно. На основе данных полученных из построенной матрицы корреляции были выделены три группы партий и кандидатов в президенты и одна обособленная политическая сила, выделенная в таковую из-за неимения ни положительной, ни отрицательной корреляции ни с одним другим элементом (табл. 2).

Таблица 2. Группировка электоральных альтернатив на выборах в Польше (2003-2015 гг.)

1	2	3	Не вошедшие ни в одну группу
Гражданская платформа Современная партия Ришарда Петру Дональд Туск Бронислав Коморовский	Право и Справедливость Лига польских семей Польская крестьянская партия Самооборона РП Лех Качиньский Ярослав Качиньский Анджей Дуда	Союз Демократических Левых Сил (СДЛС) Движение Паликота	Кукиз'15

Выборы в сейм в 2005 году прошли 9 октября. Явка на данных выборах была самой низкой за рассматриваемый период и составила 40,6%. Наибольшая активность граждан наблюдалась в Мазовецком – 46%, Малопольском – 44,8%, Поморском и Подляском по 43,4% в каждом. Немногим более 40% отданных голосов также были зафиксированы в Велькопольском, Лодзинском и Люблинском воеводствах. В западных воеводствах отмечалась одна из самых низких явок: в Опольском - 33,5%, Любуском - 35,4%, в

Западноморском - 37,2% и 38,6% в Нижнесилезском, также значительно меньше 40% из всех избирателей отдали свои голоса в Куявско-Поморском и Варминьско-Мазурском воеводствах. Группа №1 на рассматриваемых выборах была представлена партией Гражданская платформа, которая получила наибольшую поддержку в Поморском и Силезском воеводствах 36,2% и 30,1% соответственно, в западных воеводствах отмечалась также довольно высокая поддержка 25,9% в Западноморском, Любуском – 24,2%, Нижнесилезском – 28,3% и 24,2% в Опольском, высокими результатами отличился столичный регион и Малопольское воеводство, несмотря на то, что располагается в юго-восточной части страны и соседствует с регионами на юге и востоке страны, которые отличились наименьшей поддержкой. Группа №2 была представлена следующими партиями: Лига польских семей, Право и Справедливость, Польской крестьянская партия и Самооборона РП. Лига польских семей наибольшую поддержку имела в самых восточных воеводствах: в Люблинском – 12,4%, Подкарпатском – 13,3% и Подляском – 11,4%, почти 10% партия набрала в Малопольском воеводстве. Совершенно другая картина сложилась в западных воеводствах, наименьшим результатом по стране отметилось Западноморское воеводство – 5,6%, несколько больше голосов за партию было отдано в Любуском – 7,6%, Нижнесилезском -6,9% и Опольском – 6,8% воеводствах. Вторая и основная партия в группе Право и Справедливость получила наибольшие результаты в Малопольском – 36,1%, Подкарпатском - 36,4% и Силезском -30,1% воеводствах, которые расположились вдоль юго-восточной границы страны, немного менее 30% партия набрала в Подляском, Мазовецком и Поморском воеводствах, а наименьшая поддержка отмечается в четырех западных воеводствах, где партия лишь немного перешагнула отметку у 20% голосов и лишь в Нижнесилезском почти добралась до отметки в 25%. Польская крестьянская партия, также вошедшая во вторую группу, получила широкий разброс голосов в свою поддержку, максимальные значения были набраны в Люблинском и Свентокшиском воеводствах 14,3% и 14,2% соответственно, минимальная поддержка отмечалась в Силезском и Поморском воеводствах со значениями в 2,9% и 2,8%, к ним присоединились, однако с ощутимо большими результатами, хотя и ниже, чем в целом по стране западные воеводства, из которых лишь в Любуском с результатом в 7,8% был преодолен пятипроцентный барьер. На момент рассматриваемых выборов партия самооборона РП, которая также входит во вторую группу, представляла собой весомую силу на политической арене Польши. Более 15% голосов партия собрала в Куявско-Поморском, Лодзинском, Люблинском, Подляском, Свентокшиском и Западноморском воеводствах. В остальных западных воеводствах партия набрала поддержку в районе 11% голосов, что однако выше чем столичном

регионе и некоторых воеводствах средней части страны, протянувшихся с севера на юг (Поморское, Малопольское, Силезское). Третья группа на данных выборах представлена Союзом Левых и Демократов. Наименьшие результаты партия набрала в Люблинском, Мазовецком, Малопольском и Подкарпатском воеводствах с результатами в 8,2%, 9,9%, 7,2% и 8,1% соответственно. На северо-западе в Западнопоморском и Любуском воеводствах была оказана высокая поддержка партии в 14,5% и 16,2% соответственно, в юго-западных воеводствах процент набранных голосов был меньше, чем в среднем по стране и составил 12,6% и 10,4% в Нижнесилезском и Опольском соответственно. Достаточно много избирателей отдали свои голоса за партию в Куявско-Поморском, Лодзинском, Подляском и Варминьско-Мазурском воеводствах, что не позволяет выявить отчетливых пространственных закономерностей в электоральной поддержке партии.

Выборы президента Польши в 2005 году проходили в два тура 9 и 23 октября соответственно. В рамках второго тура состоялась дуэль между кандидатом от партии «Право и Справедливость» Лехом Качиньским и кандидатом от партии «Гражданская платформа» Дональдом Туском, которые представляли собой различные полюсы политического спектра страны: консервативный и леволиберальный соответственно. В целом граждане проявили больший интерес к выборам президента нежели к парламентским, проходившими в параллельно в то же самое время, где явка составила 51%. По результатам подведения итогов голосования победу одержал Лех Качиньский, набрав 54% голосов. Большую поддержку победителю оказали в восьми из шестнадцати воеводств, при чем значительный перевес был набран в Люблинском - 70,5%, Подкарпатском 72,7%, Свентокшиском – 64,9%, Подляском 63,5% и Малопольском 60,6%. Также больше голосов за победившего кандидата было отдано в Мазовецком, Лодзинском и Куявско-Поморском воеводствах. Меньше всего голосов он получил в западных воеводствах: Западнопоморском – 41,5%, Любуском – 42,4%, Нижнесилезском – 46,8% и Опольском 41,9%. В оставшихся четырех воеводствах с востока примыкающих к перечисленным выше западным проигравший кандидат от партии «Гражданская платформа» Дональд Туск смог довольствоваться лишь небольшим перевесом в 2-4%, и лишь в Поморском смог одержать уверенную победу с результатом в 57,2%. Однако этого не было достаточно и закономерная победа досталась Леху Качиньскому.

21 октября 2007 года были проведены досрочные парламентские выборы в Сейм и Сенат Польши в связи с распадом правящей коалиции между партией большинства «Право и Справедливость» во главе с премьер-министром Ярославом Качиньским, партией «Самообороны» Анджея Леппера и Лигой польских семей Романа Гертыха. Как и на предыдущих парламентских выборах наименьшая явка наблюдалась среди западных

воеводств: 51,7% в Западнопоморском, 50,4% в Любуском, 53,6% в Нижнесилезском и 45,5% в Опольском. Вместе с тем невысокая явка наблюдалась в восточной части страны на всем протяжении с севера на юг. Наибольшей активностью отметились граждане в Мазовецком – 60,5%, Велькопольском – 55,1%, Поморском – 57,5%, Силезском – 54,9% и Лодзинском – 54% воеводствах. В составе первой группы выступает, как и на предыдущих выборах в Сейм, партия «Гражданская платформа», поддержка которой значительно увеличилась повсеместно. Наибольшую поддержку партии оказали избиратели в западных воеводствах, в каждом из которых уровень поддержки превысил 45%, также высокое доверие партии высказали жители Поморского – 52,7% (самый высокий по стране), Силезского – 45,6%, Велькопольского – 44,6% и Варминьско-Мазурского – 44,4%. Наименьший процент голосов партия набрала в юго-восточных регионах страны, например, в Люблинском, Подкарпатском и Свентокшинском воеводстве партией не был преодолен барьер в 30%. Вторая группа на анализируемых выборах представлена двумя партиями, а именно «Право и Справедливость» и «Польская крестьянская партия», Лига польских семей повсеместно потеряла поддержку населения и ни в одном из воеводств даже не перешагнула отметку в 2%. Партия «Право и Справедливость» традиционно наибольшую поддержку населения набрала в восточных воеводствах: Люблинском – 40,7%, Малопольском – 41,4%, Подкарпатском – 46,7%, Подляском – 38,8% и Свентокшинском – 39,1%. А наименьшую поддержку партии оказали западные воеводства: Западнопоморское – 23,2%, Любуское – 22,5%, Нижнесилезское – 28,1% и Опольское – 22,8%. Также низкими результатами в районе 25% отметились Куявско-Поморское, Поморское, Варминьско-Мазурское и Велькопольское воеводства. К выборам в Сейм 2007 года «Польская крестьянская партия» упрочила свои позиции во всех воеводствах. Не смотря на общую положительную тенденцию, как и на предыдущих выборах наименьшую поддержку партии оказали западные воеводства: Западнопоморское – 7%, Любуское – 8,4%, Нижнесилезское – 6,1% и 6,6% в Опольском, также низкие результаты были получены в Поморском и Силезском воеводствах. Наибольшее количество голосов партия набрала на востоке страны, где лидерами стали Люблинское, Подкарпатское, Свентокшинское и Варминьско-Мазурское воеводства с результатами в 15,4%, 11,9%, 14,7% и 12,1% соответственно. Касательно результатов полученной второй группой можно с уверенностью утверждать, что отчетливо сохраняется западно-восточный градиент с максимальной поддержкой на востоке и минимальной на западе страны. Третья группа на парламентских выборах 2007 года была представлена коалицией «Левых и Демократов», среди западных воеводств коалиция получила большую поддержку на северо-западе: Западнопоморские – 17,2%, Любуское – 17,6% и

относительно низкую на юго-западе 14% в Нижнесилезском, 11,2% в Опольском. Самое высокое доверие коалиции оказали жители Куявско-Поморского, Лодзинского, Подляского, Силезского, Варминьско-Мазурского и Велькопольского воеводств с результатами в 18,7%, 15%, 14,7%, 14,3%, 14,7% и 16,3% соответственно, что опять таки подтверждает сделанное ранее утверждение, о том, что не существует чёткой пространственной закономерности в распределении голосов партии. Подводя итоги, можно сказать, что в целом польское общество проявило большую активность в 2007 году нежели в 2005 и расклад политических сил склонился в сторону леволибералов, представленных партией «Гражданская платформа».

На выборах президента Польши в 2010 году в ходе первого тура, состоявшегося 20 июня, польские граждане не смогли выбрать победителя и голосование перешло во второй тур, который состоялся 4 июля, явка в котором к концу дня остановилась на отметке 55,3%. Западные воеводства вновь отметились самой низкой явкой: Западнопоморское – 52,3%, Любуское – 49,4%, Нижнесилезское – 52,8% и Опольское 46,7%. Также небольшой избирательной активностью характеризовались Варминьско-Мазурское, Свентокшиское и Куявско-Поморское воеводства, во всех остальных данный показатель колебался от 54,3% в Силезском до 61,6% в Мазовецком воеводствах. На этот раз победу с 53% одержал кандидат от партии «Гражданская платформа» Бронислав Коморовский, получивший поддержку 8933887 граждан против 7919134 у кандидата от партии «Право и Справедливость» Ярослава Качиньского – брата бывшего президента страны. Наибольший процент голосов победитель получил в западных воеводствах: Западнопоморском – 66,3%, Любуском – 66,7%, Нижнесилезском – 60,1% и Опольском – 64,6%. Как видно из приведённых данных, степень доверия кандидату усиливается с юга на север. Также более 60% голосов за победившего кандидата были отданы в Куявско-Поморском, Поморском, Варминьско-Мазурском и Велькопольском воеводствах, значительно больше половины голосов было получено в Силезском – 57,4%. Лишь немногим меньше половины голосов были набраны в Лодзинском, Мазовецком и Подляском воеводствах. Уверенную победу проигравший кандидат Ярослав Качиньский одержал лишь на востоке страны: в Люблинском 62,8%, Малопольском – 56,1%, Подкарпатском – 65,2% и 59,6% в Свентокшиском воеводствах. Смотря на карту, демонстрирующую результаты второго тура выборов президента Польши 2010 года отчетливо видна тенденция к повышению поддержки победившего кандидата с востока на запад и с юга на север, что подтверждают результаты голосования в Западнопоморском и Любуском воеводствах.

9 октября 2011 года прошли очередные выборы в Сейм, явка на которых составила 48,9%. Самая низкая явка на выборах этого года была зафиксирована на территории западных воеводств в Опольском она составила 40,1%. В остальных воеводствах западных территорий показатели несколько больше: в Западноморском – 46,2%, Любуском – 43,7% и в Нижнесилезском – 47,7%. К воеводствам с наибольшим количеством явившихся на выборы относятся Мазовецкое, Поморское и Малопольское, где процент явки составил 56,2%, 51,7% и 51,2% соответственно. На данных выборах первая группа была представлена партией «Гражданская платформа». Наибольшая поддержка была получена среди западных воеводств: Западноморское – 46,5%, Любуское – 43,7%, Нижнесилезское – 47,7%, Опольское – 44%. Однако, лидером среди всех территорий является Поморское воеводство, где результат составил 50,6%. Минимальные показатели поддержки приходятся на Люблинское, Подкарпатское, Свентокшиское и Подляское воеводства – 22,5%, 24,9%, 25,4% и 29,7% соответственно. Вторая группа была представлена партией «Право и Справедливость», а также «Польской крестьянской партией». Среди голосующих за первую партию к наименьшим по показателям относятся четыре воеводства: Велькопольское, Куявско-Поморское, Поморское и Силезское, их значения составляют 22,5%, 23,9%, 24,8% и 26,1% соответственно. В западных воеводствах также отмечается низкая степень доверия партии: в Опольском – 20,6%, Западноморском – 21,4%, Любуском – 21,7%, Нижнесилезском – 25,8%. К лидерам по поддержке относятся южные территории Польши, где количество отданных за партию голосов превышает 40% от общего числа, а именно Малопольское и Подкарпатское воеводства: 41,1% и 46,4%. Еще одним представителем второй группы является партия «Польская крестьянская партия». Наибольшую поддержку партия получила в Свентокшиском воеводстве, в котором за эту партию проголосовало 19,8% от числа явившихся избирателей в воеводстве. Немного меньшими, но также высокими показателями отличились Люблинское (15,4%), Варминьско-Мазурское (12%) и воеводства, примерно равное доверие оказавшие партии: Мазовецкое, Подкарпатское и Подляское с показателями 11,9%, 11,6% и 11% соответственно. Западные территории представляют группу с минимальными показателями среди остальных территорий относительно данной партии. Таким образом, в Западноморском за партию было отдано 5,4% голосов, в Нижнесилезском – 5,3%, в Любуском – 7,7%, в Опольском – 5,9%. Однако, самый минимум наблюдается на севере страны – Поморское воеводство, где значение достигает лишь 5,1%. Следующие партии относятся к третьей группе: «Союз левых и демократов» и «движение «Паликота». Наибольшая поддержка первой партии группы приходится на территории западной и центральной частей страны, а именно на Западноморское

(11,2%) и Велькопольское (11,2%), Любуское (10,3%) и Куявский-Поморское (10,2%). Наименьшая поддержка оказывалась со стороны южных территорий: Малопольского и Подкарпацкого воеводств, где количество голосов составляет лишь 5,5% и 5,9%. Партия «движение Паликота», также относящаяся к третьей группе успешно преодолела пятипроцентный барьер. Наибольшую активность относительно данной партии проявили воеводства центральной (Куявско-Поморское - 11,4%, Лодзинское - 10%, Велькопольское - 11%), восточной (Люблинское - 11,9%) и северной (Варминьско-Мазурское - 11,4%) частей. Однако, значительная поддержка была оказана и со стороны западных территорий, среди которых Западнопоморское воеводство относительно всех остальных частей страны отдало наибольшее количество голосов — 12,1%. Любуское отдало 11,71%, Нижнесилезское – 11,3% и Опольское несколько меньше – 9,7%. Минимальный процент голосов был отдан Подкарпацким воеводством и составил 6,9%.

Выборы президента Польши 2015 года прошли в два тура 10 и 24 мая соответственно. Явка во втором туре составила 55,3%, по результатам которого победителем оказался кандидат от партии «Право и Справедливость» Анджей Дуда с 51,5% голосов, против 48,5% за кандидата от партии «Гражданская платформа» и бывшего президента Бронислава Коморовского. Практически во всех воеводствах явка превысила отметку в 50%, а наибольшей активностью на выборах отличились граждане Мазовецкого (61,6%), Лодзинского (57%), Малопольского (58,9%), Подкарпацкого (55,6%), Поморского 56,7%), Силезского (55,1%) и Велькопольского (55,5%) воеводств. В западных воеводствах избиратели проявили меньшую активность: Западнопоморское (51%), Любуское (49,4%), Нижнесилезское (53,3%) и Опольское (47,3%). Наибольшую поддержку победителю оказали восточные регионы страны, а именно Люблинское – 66,4%, Малопольское - 62,1%, Подкарпацкое – 71,4%, Подляское 59,3% и Свентокшиское 61,7%. Немногим более половины голосов за кандидаты были отданы в Мазовецком и Лодзинском воеводствах. Кандидата от проигравшей стороны в свою очередь поддержали западные воеводства, при чем сильнее на севере: в Западнопоморском (60,1%) и Любуском (60,2%), чем на юге: Нижнесилезском (54,4%) и Опольском (57,7%). Также больше половины голосов за Бронислава Коморовского было отдано в Куявско-Поморском, Поморском, Силезском, Варминьско-Мазурском и Велькопольском воеводствах. В целом же как и на предыдущих президентских выборах пространственные различия в поддержке того или иного кандидата подчиняются устоявшимся ранее тенденциям, и итоговые результаты во многом определяется волеизъявлением граждан центральных воеводств страны, которые и определяют перевес того или иного кандидата.

В заключении необходимо резюмировать как менялся баланс сил на политической арене Польши после вступления в ЕС. Для того, чтобы наглядно проиллюстрировать изменения в устойчивых тенденциях в массовом избирательном поведении в Польше и собственно определить вектор политической трансформации, предлагается проследить эволюцию каждого из партийных блоков. Стоит начать рассмотрение с эволюции третьей группы, которая приставляет левый край политического спектра, а именно Союз Демократических Левых Сил. Хотя в данной работе изучается период после 2003 года, необходимо все же упомянуть, что выборы в Сейм 2001 принесли «левым» громкую победу, где они получили 41% голосов избирателей и заняли 216 мест в нижней палате парламента. После такого успеха СДЛС стремительно развалился по причине внутрпартийных конфликтов между президентом Александром Квасьневским и лидером партии и премьер-министром Лешекком Миллером. В последующем СДЛС год за годом терял позиции и к выборам 2015 года «левые» уже были вынуждены участвовать в качестве коалиции, где они получили только 7,5% голосов и соответственно не получили места в Сейме, фактически подарив голоса победителю.

В 2001 году была организована партия «Гражданская платформа» на основе местных партийных организаций Союза Свободы, который постепенно распадался с момента его создания в 1994 году. Данная партия представляет первую партийную группу в настоящем исследовании. Целью Гражданской платформы на её первых выборах было получение части электората материнской партии. Пик поддержки партии пришелся на выборы 2007 года, где были получены голоса 6,7 млн. избирателей и 209 мандатов Сейма соответственно. Огромный рост популярности по сравнению с выборами 2005 года, где партия получила 2 849 259 голосов или 24,14%, произошел на досрочных выборах в 2007 году, где своё доверие партии высказали уже 6 701 010 избирателей или 41,51%, это позволило ей стать правящей партией на последующие 4 года. В первую очередь это связано с большой популярностью Дональда Туска. Лидирующее положение партии сохранилось и после выборов 2011 года, где она набрала 39,2% и 207 мандатов в Сейме. Однако партия не смогла закрепить успех и к 2015 году она потеряла почти половину своих избирателей, получив всего 3,66 млн. голосов или 24,1%. Отчасти фрустрация после последних выборов объясняется именно этой потерей около половины голосов. Другой причиной таких ощутимых потерь поддержки Гражданской платформы в 2015 году стали Кукиз'15 и Современная партия Рышарда Петру – осколки бывшей «большой» ГП, перехватившие победные лозунги кампаний платформы 2005 и 2007 годов и отобравшие на последних выборах у ГП 1,3 млн и 1,15 млн голосов соответственно. Стоит уточнить, что партия Кукиз'15 по результатам анализа матрицы корреляции не

проявила себя ни положительно, ни отрицательно ни с одной другой партией в высокой степени, однако та электоральная база, которую получила партия в 2015 году, на выборах 2005 и 2007 годов в силу успехов выдвигаемых лозунгов и проводимых предвыборных кампаний склонялась в сторону Гражданской платформы. Таким образом, стратегическим просчетом партий первой группы в кампании 2015 года стало отсутствие предвыборной коалиции. Гражданская платформа, как и остальные соседи по левой части политического спектра, главной целью кампании ставили получение голосов избирателей за счет своих союзников, а не за счет переманивания электоральной базы у идеологических противников.

Говоря об успехах левых сил на президентских выборах, необходимо сказать, что 2005 год для Туска, получившего 7 млн голосов (46%) во втором туре, стал пиком его личного потенциала. Однако наибольшего успеха кандидаты от левого спектра добились на президентских выборах 2010 года, победу с 53% одержал Бронислав Коморовский. Очевидно, что успех на президентских выборах совпал с периодом наибольшей популярности «Гражданской платформы» на парламентских выборах.

Вторая часть спектра, правящая в настоящий момент, была организована практически одновременно с «Гражданской платформой» в 2001 году, в данном исследовании это вторая партийная группа, представленная наиболее популярной партией из группы «Право и Справедливость». Сокрушительная победа левых после 2005 года – на парламентских выборах 2007 года отчасти связана с неудачами коалиции «правых». На выборах 2007 году правые проиграли выборы, однако смогли заручиться поддержкой двух миллионов новых избирателей. Тяжелейшим периодом жизни партии стали 2010-2011 годы, партия потеряла миллион избирателей, во многом связанным со Смоленской катастрофой и последовавшими за ней расколами внутри партии. Современная победа правых в 2015 году – 5,7 млн. голосов или 37,6% от общего числа явившихся на выборы избирателей позволили получить 235 мест в Сейме, что превысило аналогичный успех «левых» на выборах 2011 года.

Президентские победы «правых» выражаются в успехе Леха Качиньского в 2005 году, набравший во втором туре 8,257 млн голосов или 54,%. Благодаря низкой явке победа далась Качиньскому легче, чем Брониславу Коморовскому от партии «Гражданская платформа» на выборах в 2010 году (8 933 887 голоса или 53%). Это вынудило «правые» силы политического спектра более серьезно отнестись к выборам 2015 года, была произведена замена на более молодого кандидата Анджей Дуду, который был у всех на слуху и являлся продолжателем линии партии и преемником предыдущего лидера, в тоже время представителем нового поколения. Совокупность факторов

позволила Анджею Дуде получить на 800 тысяч голосов больше, чем Ярославу Качиньскому в 2010 году. Именно такую разницу недополучил Коморовский в 2015 году по сравнению с 2010 годом.

Все вышесказанное говорит о том, что на протяжении рассматриваемого периода существует устойчивая тенденция к концентрации партийной системы. Если до начала XXI в. две крупнейшие партии получали немногим более 30% голосов, то в последующие годы концентрация удвоилась и составляет около 60% и выше голосов. Значит политическая система Польши сконцентрирована вокруг двух партийных образований расположенных по разные стороны спектра, все остальные политические силы носят второстепенный характер. Вместе с тем отчётливо прослеживается западно-восточная дифференциация в электоральном поведении в стране, где вотчина «Гражданской платформы» представлена западными воеводствами, в особенности северо-западными, а «дом» партии «Право и Справедливость» находится в восточных частях страны, особенно в юго-восточных регионах.

3.2. Особенности политической культуры Западной Польши

Политическая культура различных территорий Польши имеет своей основой исторически сложившуюся региональную дифференциацию. Поэтому западные воеводства страны, в силу специфики их появления в современных границах Польши имеют некоторые особенности, отличающие их от остальных регионов страны.

Современные политические регионы Польши сложились в результате сложных процессов, которые включают три раздела Речи Посполитой между соседними, в значительной степени отличающимися друг о друга державами и последующими результатами войн, которые приводили к новым изменениям границ. Современная территория Польши представляет собой совокупность территорий центральной части в период между мировыми войнами, которая сегодня является восточной частью страны, Галиции, которая в период отсутствия польской государственности была частью Австро-Венгерской империи и развивалась под непосредственным воздействием доминирующих там институтов, бывшего царства польского в составе Российской империи и бывших прусских (германских) регионов. Бывшие прусские регионы, однако, довольно широкое понятие, так как они также имеют серьезные различия между собой. В целом их можно поделить на две группы, сформированные по хронологическому признаку, а именно времени вхождения в состав польского государства. Первая группа представлена территориями вошедшими в состав второй Речи Посполитой, существовавшей в период между мировыми войнами: если приравнивать их к современному административно-территориальному делению страны, то в данную группу входят большая часть

Поморского воеводства на севере, большая часть Велькопольского воеводства в центральной части и част Силезского воеводства на среднем юге. Вторая группа включает те территории, которые вошли в состав современной Польши по результатам Потсдамского мирного договора после Второй Мировой Войны, а именно Западнопоморское, Любуское, Нижнесилезское, Опольское воеводства, значительную часть Поморского воеводства и практически вся территория современного Варминьско-Мазурского воеводства.

Различия между политическими регионами проявляются во многих характерных особенностях. В первую очередь большое влияние оказывает фактор демографических особенностей. В исторических областях Померании (Поморское, Западнопоморское воеводства и небольшая часть севера Велькопольского воеводства) и Верхней Силезии (Силезское воеводство и малая часть севера Опольского воеводства) проживают в основном этнические поляки, которые проживали здесь ещё задолго до потери Польшей государственности в результате разделов. А на территории, присоединенные к Польше после поражения Третьего Рейха шла миграция из регионов Галиции и бывшей Российской империи на запад современной Польши. Переселенцы с востока и юго-востока везли с собой и свою политическую культуру. Поэтому, выехав из Варшавы на запад, мы – с точки зрения демографии и политической культуры – движемся на восток (29). Эта особенность хорошо прослеживается по сохранившимся подлинным результатам референдума 1946 года и выборов 1947 года, в ходе которых коммунисты были поддержаны только на западе Польши, где депортированное немецкое население было замещено преимущественно поляками, проживавшими на территориях современных Западной Белоруссии и Западной Украины, а также Галиции. Напротив, коренные жители бывших центральных районов Второй Речи Посполитой (в нынешних границах восточная часть страны) не отдавали свои голоса за коммунистов.

Сильное влияние на культурную среду также имеет контекст религиозного фактора, ведь Польша является одной из самых религиозных стран Европы. Традиционно день выборов назначается на воскресенье, в день, когда верующие люди после воскресной службы, богослужение на которой заканчивается призывом отдать свои голоса, идут на избирательные участки. Это несомненно оказывает более сильное положительное влияние на явку в первую очередь в центральных и южных регионах Польши, но в меньшей степени проявляется на западных территориях, населенных менее религиозными переселенцами. Традиционно высокую активность на выборах демонстрируют повяты и гмины, где сосредоточенно проживают национальные меньшинства. В основном речь идёт о немецком меньшинстве, исповедующим протестантизм. Таким регионом

компактного проживания немцев являются некоторые повяты Опольского воеводства, в связи с чем в регионе стабильно около 10% голосов отдается за партию «Немецкого меньшинства», которое также имеет один постоянный мандат в Сейме для представления там своих интересов. В целом в местах проживания протестантов в Польше всегда очень высокая явка и победу одерживает Гражданская платформа.

Немаловажной особенностью различных регионов Польши является история электорального опыта, который в свою очередь оказывает весомое влияние на среду региона. Имел ли этот опыт достаточно продолжительную историю, чтобы из разряда контекста перейти в особенность среды и позволить неформальным институтам политической культуры (в данном случае под ними понимается «привычка голосовать») закрепиться в сознании людей и наследоваться от поколения к поколению. Что же касается формирования формальных институтов, то жители Галиции в 1870-х гг. получили общее, но неравное избирательное право. Таким образом на протяжении нескольких поколений выходцы из этого региона имеют электоральный опыт, уже, вероятно, ставший частью их культурного кода, которую они привнесли вместе с собой на территории бывшей Пруссии (Германии). Коренные жители бывшей Пруссии имеют соизмеримый избирательный опыт, который ведет свою историю с 1871 года, когда было введено всеобщее голосование, но уже с 1850-х годов (правда избирательно) участвовали в выборах в Сейм. Напротив, предки переселенцев из западных губерний Российской Империи начали участвовать в выборах лишь с 1918 года. В связи с гораздо меньшим опытом, голосование не вошло для них в привычку и ещё не стало частью их политической культуры. Из-за совместного проживания представителей разных политических культур на одной территории, в западных воеводствах на уровне повятов и мельче прослеживаются довольно сильные колебания процентного выражения явки.

Перечисленные выше особенности в настоящее время сформировали ситуацию, как уже упоминалось ранее, при которой польский политический спектр представлен двумя примерно равными частями: леволибералами и консерваторами. При чем первое из идеологических течений больше поддерживают на западе и на севере, то есть в тех землях, на чью «колею развития» активно повлияло длительное нахождение сначала в составе Пруссии, а затем Германской империи. Примером, характерно подчеркивающим данную особенность могут служить парламентские выборы 2015 года, где после провальных выборов 2011 года партия «Право и Справедливость» уверенно набирает популярность у населения и добивается значительных успехов на западных территориях, преодолев границу политических регионов, повторяющей бывшую границу Царства Польского. Традиционно за «Гражданскую платформу» отдали свои голоса в поясах

поддержки партии на западе, северо-западе и севере, однако в целом произошло его сужение по направлению к северо-западу. Это регионы бывших совхозов, закрытых в начале этапа реформ, где наблюдается глубокая структурная безработица, высокий уровень алкоголизма и преступности. Также традиционным оплотом «Гражданской платформы» является территория проживания кашубского населения, сконцентрированного в Поморском воеводстве. Выходцем из этого национального меньшинства является, и Дональд Туск, являвшийся кандидатом от партии на выборах президента 2005 года. Несмотря на это, «Гражданская платформа» проиграла битву за голоса избирателей своему идеологическому противнику, то есть у себя «дома». Вероятно, это связано с движением «влево», которое было предпринято партийными лидерами «Гражданской платформы». Партия старательно балансировала, чтобы не принять изменения в законодательстве относительно аборт и смежных проблем. В то время как регион остававшийся нравственно консервативным, но либеральный по своей направленности оказался к этому не готов. В итоге избирательная кампания Коморовского 2015 года в Кашубе фактически отсутствовала. Однако такой поворот «влево» принес определенные результаты, партия стала отнимать голоса у других левых партий, но не у своих главных оппонентов.

Другой формой проявления политической культуры могут служить протестные настроения и массовые митинги в связи с несогласием населения с принимаемыми в правительстве решениями. Ярким примером являются протесты в Польше, которые начались 16 декабря 2016 года, поводом для которых стало решение Сейма по ограничению работы журналистов в здании парламента. В результате оппозиционные силы, представленные партией «Гражданская платформа», вывели на улицы сотни своих сторонников, которые заблокировали выходы из Сейма. Протесты продолжались всю ночь, депутаты правящей партии смогли покинуть здание Сейма лишь при помощи сил полиции, которые оттеснили протестующих. На следующий день несколько тысяч человек приняли участие в массовом митинге возле президентского дворца. Протесты также были поддержаны некоторыми видными политиками, в том числе вице-маршалом Сейма Малгожатой Кидава-Болоньской, лидером «Гражданской платформы» Гжегожем Схетына и лидером Комитета в защиту демократии Матеушем Кийовским. Географически народные выступления охватили города Варшаву, Кельце и Плоцк в центральном регионе, Вроцлав, Краков и Катовице на юге и юго-западе, Познань, Щецин и Ольштын на западе и северо-западе, также леволиберально настроенные люди на востоке страны вышли на улицы в Люблине и Белостоке. Премьер-министр Беата Шидло выступила с критикой действий оппозиции, призвав политиков к сотрудничеству и проявлению ответственности,

заявив, что причиной акций протеста является нежелание оппозиции согласиться с поражением на выборах. Лидер партии «Кукиз'15» Павел Кукиз заявил о том, что действия парламента могут привести к угрозе гражданской войны в стране. С поддержкой протестующих и с призывом к властям Польши «уважать людей, конституционные принципы и ценности» выступил глава Европейского совета и бывший премьер-министр Польши от «Гражданской платформы» Дональд Туск. Первый президент посткоммунистической Польши Лех Валенса выступил с резкой критикой польских властей, заявив о том, что правящая партия «Право и справедливость» неспособна управлять страной, назвав манеру правления партии «старосоветской» и призвал к новым выборам.

Не менее массовыми стали выступления людей против решения депутатов Сейма одобрить, предложенный правительством правящей партии «Право и Справедливость» план судебной реформы, в рамках которой предусматривается сокращение срока полномочий нынешних судей Верховного суда и передачу контроля над их назначением в руки политиков. По мнению некоторых популярных оппозиционных политиков данный законопроект фактически ведет к уменьшению демократических свобод граждан и установление диктатуры. В связи с данными событиями несколько десятков тысяч человек в ночь с 20 на 21 июля 2017 года приняли участие в стихийных демонстрациях и митингах протеста. В столице у президентского дворца собралось около пятидесяти тысяч человек, наиболее крупные демонстрации прошли в Кракове, Гданьске, Лодзи, Вроцлаве и Щецине.

Подводя итог, необходимо отметить, что особенности политической культуры западных территорий Польши были сформированы под воздействие комплексного влияния совокупности факторов. В первую очередь это исторический аспект, который выражался в долгосрочном влиянии прусских (немецких) социально-экономических и политических институтов, что нашло своё отражение в отличной от других частей страны «колее развития». Во-вторых, особенную роль играет социокультурный фактор, который связан с особенностями переселения населения из восточных и юго-восточных окраин Польши времён межвоенного периода. В-третьих, в довесок к предыдущему фактору, как следствие добавляется фактор религиозный, который заключается в том, что население Западной Польши менее религиозное, чем на востоке страны, исключение составляют протестанты (в основном немцы Опольского воеводства), которые традиционно более активны на выборах. Принимая во внимание религиозную специфику страны (в день выборов воскресную службу завершает призыв принять участие в выборах), очевидным становится непосредственное влияние религиозности граждан на ход и итоги голосования.

Ещё одним фактором, определяющим особенности электорального поведения является накопленный избирательный опыт, тесно взаимосвязанный с демографическим и историческим аспектами, который в первую очередь выступает в роли основы для становления неформальных институтов и последующего их влияния на культурную среду.

3.3. Центр-периферийные особенности социально-политической трансформации территории Западной Польши

Польша довольно неоднородная страна, как по социально-экономическим условиям, так и в отношении политической культуры. Внутрорегиональный разрез западных воеводств демонстрирует ярко выраженные центр-периферийные особенности. Полученные в ходе исследования результаты и картосхемы, демонстрирующие социально-экономические условия и особенности политических предпочтений избирателей, при их сопоставлении позволяют произвести типологизацию районов в Западной Польше.

В целом было выделено три типа регионов. Первый тип – крупнейшие города со статусом повята, административные и культурные центры. К данному типу были отнесены города Щецин, Кошалин, Гожув-Велькопольски, Зелёна-Гура, Еленя-Гура, Легница, Вроцлав, Валбжих и Ополе. Данные населённые пункты объединяют многие общие особенности. В первую очередь это высокий показатель стоимости реализованной промышленной продукции на душу населения, что говорит о совершенно закономерной концентрации промышленных предприятий. Вместе с тем, как стало понятно по результатам статистического анализа, к 2015 году на данных территориальных единицах был отмечен самый высокий показатель демографической нагрузки, значения которого в каждой из них превышает 57. Также в городах наблюдается в среднем относительно небольшая естественная убыль, однако на фоне общего положения других повятов ситуацию можно характеризовать как относительно благоприятную. Интересной особенностью также является то, что значения миграционного сальдо в данном типе территорий незначительно варьируется в положительную и отрицательную сторону не сильно отклоняясь от нуля. В итоге можно заключить, что данный тип характеризуется благоприятными социально-экономическими условиями.

Особенности политической культуры городов-повятов является стабильно высокая явка на любых политических событиях. Вероятно, это связано с более высоким уровнем жизни и как следствие высоким уровнем образования населения, в совокупности с особенностями городской среды эти факторы сказываются на политической культуре и способствуют становлению более активной гражданской позиции. Политические предпочтения горожан хорошо прослеживаются по результатам выборов президента и в

Сейм, а также по соотношению голосов на референдуме 2003 года, по результатам которого видно, что население данного типа территорий больше остальных поддержало вступление в ЕС, где абсолютным лидером выступил г. Ополе (более 90% голосов «за»).

На парламентских выборах отличительной характеристикой политических предпочтений является уклон «влево» и соответственно поддержка партии Гражданская платформа. В годы наиболее успешных кампаний (2007 и 2011 гг.) партия набирала значительно более 50% от всех голосов, и даже в не столь удачные кампании 2005 и 2011 гг. партия занимала первое место, а суммарно первая политическая группа партий (в 2015 г. была представлена наряду с ГП партией Модерн Ришарда Петру) получала поддержку более половины голосов всех избирателей. Аналогично на президентских кампаниях городской тип являлся наиболее лояльной и стабильной электоральной базой кандидатов в президенты от Гражданской платформы. Подводя итог, можно выделить следующие особенности данного типа: благоприятные социально-экономические условия, высокая доля нетрудоспособного населения, высокая активность населения на выборах, политические предпочтения смещены «влево» в условиях в принципе более «левой» ориентации Западной Польши.

Второй тип территорий представляет собой повяты, окружающие города первого типа (пригородные) и имеющие соответствующее название по городу-ядру. К данному типу были отнесены следующие повяты: Щецинский, Кошалинский, Гожувский, Зелёногурский, Еленегурский, Легницкий, Вроцлавский (также сюда вошли Олавский, Сьродский и Тшебнецкий, примыкающие своими границами к самому большому городу Западной Польши Вроцлаву) и Опольский. Их всех отличает еще более высокий показатель стоимости реализованной промышленной продукции на душу населения, чем в городах-повятах предыдущего типа, это говорит о тенденции выноса предприятий промышленного производства за черту города. Вместе с тем данные территории характеризуются минимальными значениями показателя демографической нагрузки населения, что позволяет предположить, что на данных территориях компактно проживают те самые люди, работающие на промышленных предприятиях. Что касается естественного прироста, то здесь он самый высокий относительно всех остальных территорий, и значительно превышает аналогичные показатели в городах. Это позволяет предположить наличие большого количества работающего молодого населения в фертильном возрасте в пригородной зоне. Территории данного типа также испытывают самый большой приток населения, опять таки гораздо больший чем в самих городах. Перечисленные выше особенности также могут говорить об интенсивном процессе субурбанизации, в рамках которого происходит становление и активное развитие

городских агломераций. В повятах данного типа также наблюдаются благоприятные социально-экономические условия, так как они во многом представляют собой пригородную привлекательную для миграции зону промышленных и культурных центров с относительно развитой экономикой и молодым репродуктивным населением.

Говоря об особенностях политической культуры, становится очевидной схожесть политических предпочтений населения городов и пригородов. Однако существуют и различия. Самое разительное из них в политической активности граждан. В целом в повятах данного типа наблюдается на 3 – 5% меньшая явка, по сравнению с аналогичных показателем в городе. Незначительно выбивается из общего ряда Опольский повят, вероятно его относительно большая площадь и удаленность окраин повята, сказывается на степени связей различного характера с г. Ополе, что соответственно и определяет степень различий. Относительно результатов референдума можно сказать, что повторяется ситуация сложившаяся в городах, однако на 2 – 5% противников вступления в ЕС на этих территориях больше. По структуре итогов голосования данные повяты также крайне близки к своим городам, однако степень концентрации партийно-электоральной системы в них несколько ниже, из чего следует, что второстепенные партии там пользуются немного большей популярностью. В качестве ещё одной особенности можно выделить несколько меньший уклон «влево», в целом Гражданская платформа получает результаты на несколько процентов ниже аналогичных в городах. С президентскими выборами ситуация обстоит абсолютно таким же образом. В рамках данного исследования не стояло задачи ещё более детального рассмотрения политических особенностей на уровне гмин, однако можно предположить, что те гмины, наиболее удаленные от города и являются причинами таких различий.

Третий тип территорий представляет собой наиболее обширную группу повятов периферийного характера. Он включает в себя повяты, расположенные на юго-западе Западнопоморского воеводства (Хощненский, Грыфинский, Мыслибуржский, Пыжицкий, Старгардский), в северной части Любуского воеводства (Медзыжечский, Слубицкий, Стешелецко-Дрезденский, Суленцинский), в северо-западной части Нижнесилезского воеводства (Глогувский, Гурувский, Любинский, Польковицкий) и в южной и западной частях Опольского воеводства (Бжегский, Глубчицкий, Намыслувский, Ныский, Прудницкий). Данные территории имеют низкие значения показателя стоимости реализованной промышленной продукции на душу населения и вместе с тем являются низко урбанизированными за немногочисленными исключениями, что позволяет предположить о наличии относительно высокой доли сельскохозяйственной продукции в структуре экономики регионов и преимущественно сельском образе жизни. Все они

характеризуются средними значениями показателя демографической нагрузки (меньше чем в первом типе, но большим, чем во втором). Также данным территориям присуща естественная убыль населения, при чем в рамках воеводств прослеживается пространственная тенденция к увеличению естественной убыли с север на юг. Все без исключения повяты данного типа испытывают острый отток населения. Совокупность вышеперечисленных особенностей наталкивает на мысль о том, что в данных регионах сложилась неблагоприятная социально-экономическая ситуация.

Об особенностях политической культуры можно судить по показателям явки, которая относительно высокая, зачастую сравнимая со вторым типом, при чем, можно заметить, что в повятах на юге Западной Польши она выше. Вместе с тем имеются отличительные особенности на основании результатов парламентских и президентских выборов в северных и южных воеводствах, что даёт основания выделять среди них подтипы. Северный подтип характеризуется хотя и высоким уровнем поддержки «Гражданской платформы», однако относительно соседей по северу «левые» настроения гораздо более умеренные. Что касается южного подтипа, то ситуация несколько иная и значительная часть населения более склоняется к «правой» части политического спектра, а в периоды успешных кампаний партии «Право и Справедливость» и вовсе партия была поддержана большинством. Причиной тому может служить традиционно высокая поддержка «Гражданской платформы» на севере и более низкая на юге.

В заключении необходимо сказать, что в Западной Польше, как и в других частях страны и в мире в целом, выделяется центр-периферийный раскол, основанный на дифференциации социально-экономических условий, что в свою очередь прямым образом влияет на мировоззрение людей и как следствие формирует их политическую культуру, выраженную в различных ценностных ориентирах и культурных установках, что провоцирует культурный конфликт в обществе, адаптируясь к которому набирают силу популистские партии, такие как «Право и Справедливость».

Заключение

В ходе исследования были решены поставленные во введении задачи.

По результатам первой главы был проведен анализ научной литературы, автором были сделаны обобщения концепций и подходов, которые послужили в дальнейшем теоретической базой исследования. Принято следующее понимание понятия «социально-политическая трансформации» как временной процесс, в ходе которого происходят качественные изменения социальных, политических и экономических институтов и ценностных ориентиров общества, что выражается в изменении принципов и методов территориальной организации общественной жизни.

На основе изученного материала была разработана методика исследования социально-политической трансформации.

Во второй главе при помощи анализа статистических данных был определен характер трансформации социально-экономических условий Западной Польши за послевоенный период. Проведено сравнение территории Западной Польши на уровне повятов с трендами аналогичных показателей в масштабе всей страны и отдельных воеводств.

В третьей главе автор прибег к экологическому подходу в электоральной географии и, с помощью корреляционному анализа массива электоральных данных за период с 2003 по 2015 гг. выделил замкнутые группы альтернатив, образующих четыре идеологически различных лагеря в политическом спектре Польши. В дальнейшем были выявлены пространственные различия устойчивых тенденций в массовом избирательном поведении Польши, главный из которых западно-восточный градиент изменения поддержки основных идеологических групп. По итогам данного анализа была произведена попытка выделения наиболее характерных черт политической культуры, присущей жителям Западной Польши. И наконец, были выявлены центр-периферийные закономерности социально-политической трансформации западной территории и выделены три типа (центральный, пригородный и периферийный).

Список литературы

1. Трейвиш А. И. География и развитие // География мирового развития. Выпуск 1: Сборник научных трудов. Под ред. Л.М. Синцера. М.: Институт географии РАН, 2009, 606 с.
2. Смирнягин Л.В. Выступление на «круглом столе» по кн. А.Г. Вишневого «Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР» // Третьи сократические чтения по географии. М.: Компания Спутник+, 2002, 191 с.
3. Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и пространстве. М.: Эслан, 2005.
4. Аузан А. А. Эффект колеи проблема зависимости от траектории предшествующего развития - эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика, 2015. № 1. С. 3–17.
5. Аузан А. Развитие и “колея” зависимости. Мировая экономика и международные отношения, 2017. № 10. Т. 61, С. 96-105.
6. Корнейчук Б.В., “Эффект колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений /TERRA ECONOMICUS, 2014
7. Аксенов К. Э. Трансформация общественно-географического пространства метрополиса: Санкт-Петербург и Москва, 1989—2011. Lambert Academic Publishing, Saarbrucken, 2012. С. 483
8. Аксенов К. Э. Понятие места в политической географии и особенности пространственной организации власти в США / Изв. ВГО, 1990. Т. 122. Вып. 1. С. 99—105.
9. Аксенов К., Брадэ И., Бондарчук Е. Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. Ленинград – Санкт-Петербург. 1989 – 2002. Спб.: Геликон Плюс, 2006. 284 с.
10. Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Под ред. Л. Н. Шишлиной. М.: Весь мир, 2010. 563 с.
11. Лейн Д. Социально-экономические итоги трансформаций в постсоциалистических странах // Мир России. Социология. Этнология. 2016. № 4. С. 7-29.
12. Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты: Сборник статей // Под ред. С. П. Глинкиной, Н. В. Куликовой. М.: Институт экономики РАН, 2016. 332 с.

13. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. ред. С. П. Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2017. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н. В. Куликова, 428 с
14. Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы (общественно-политический и экономический аспекты) / Отв. ред. Н. В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2013. 392 с.
15. Стемпель-Кучинска А., Люльковский А. Э. Выборы в парламент Республики Польша в 1989–2011 гг. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6. С. 53–72.
16. Тарасов И. Н. Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1 (6). С. 83–94.
17. Кузнецов А. В. Региональная экономическая политика Польши // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 11. С. 68–77.
18. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ. М.: изд-во «весь мир», 2004
19. Кручковский Т. Падение Речи Посполитой в оценке С.М. Соловьева // Вестник Барановского Государственного университета. Серия: исторические науки и археология, экономические науки, юридические науки, 2016 г. С. 21-31.
20. Рубинштейн Е. И. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX начале XX века. - М.: Изд-во АН СССР, 1953.-256 с.
21. Якубчик В. Прусская колонизация польских земель и ее вдохновители (1886-1918 годы) // Советское славяноведение. 1973. - № 1. - С. 2939.
22. Милякова Л. Б. Польша на пути к моноэтническому государству (1918-1947 гг.) // Международный исторический журнал, 2001. № 13.
23. Kwiek J. Z dziejów mniejszości słowackiej na Spiszu i Orawie w latach 1945–1957. Kraków, 2002. 146 s
24. Шмигель М. Обмены населением СССР с Польшей и Чехословакией в 1944-1947 гг.: Аналогии и различия политического перенаселения народов // Журнал: Запад – Восток. 2017. №10. 230с.
25. Носкова А.Ф. Польша в XX веке. Очерки политической истории // М.: Индрик, 2012, 952 с.

26. Аблажей Н.Н., Блюм А. Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы / Сборник научных статей. Вып. 2, 2013. 236 с.
27. Самборский Е.П. Депортация поляков с Западной Украины и Западной Беларуси в Польшу в 1944 – 1946 гг.; Проблемы современной историографии // Проблемы современной науки // Прикарпатский национальный университет имени В. Стефаныка г.Ивано- Франковск, Украина, 2013.
28. Лыкошина Л.С. Трудный путь в Европу (о некоторых проблемах вступления Польши в ЕС) (аналитический обзор) / Сб. обзоров и реф.. Сер. "Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России" Центр науч. информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Редколл: Игрицкий Ю.И. (отв. ред.) и др. Москва, 2004
29. Марчиняк В. Электоральная география и выборы в Польше // Докл. VII заседания междисцип. сем. САЕ «Вызовы социального развития». 2017.
30. «Wolność Mediów w całej Polsce. Protesty poza Warszawą» (pl). // Gazeta Wyborcza., 2016

Ресурсы сети Интернет:

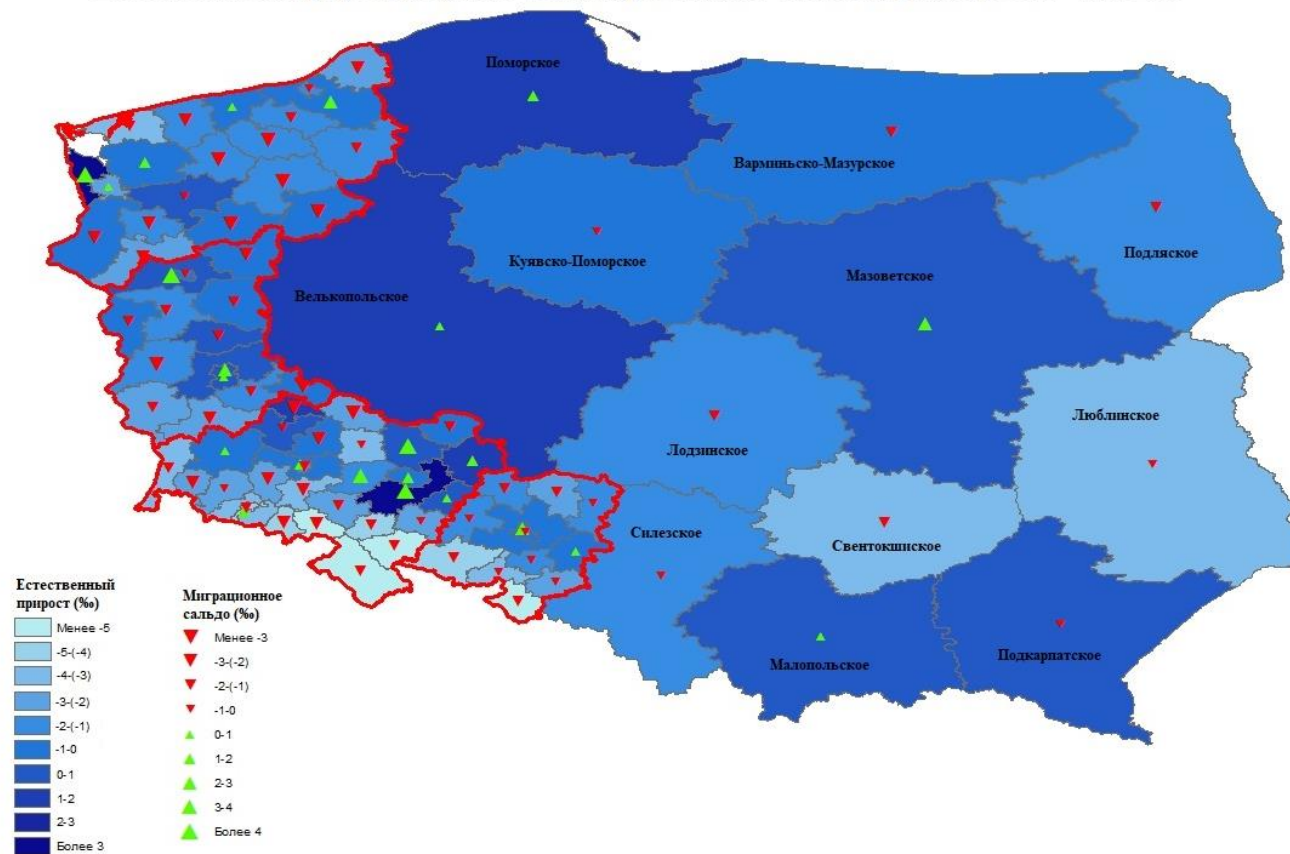
1. <https://statlibr.stat.gov.pl> - Katalog Główny
2. <https://bdl.stat.gov.pl> - Bank Danych Lokalnych
3. <https://stat.gov.pl> - Główny Urząd Statystyczny
4. <https://pkw.gov.pl> - Państwowa Komisja Wyborc

Приложения

Приложение 1

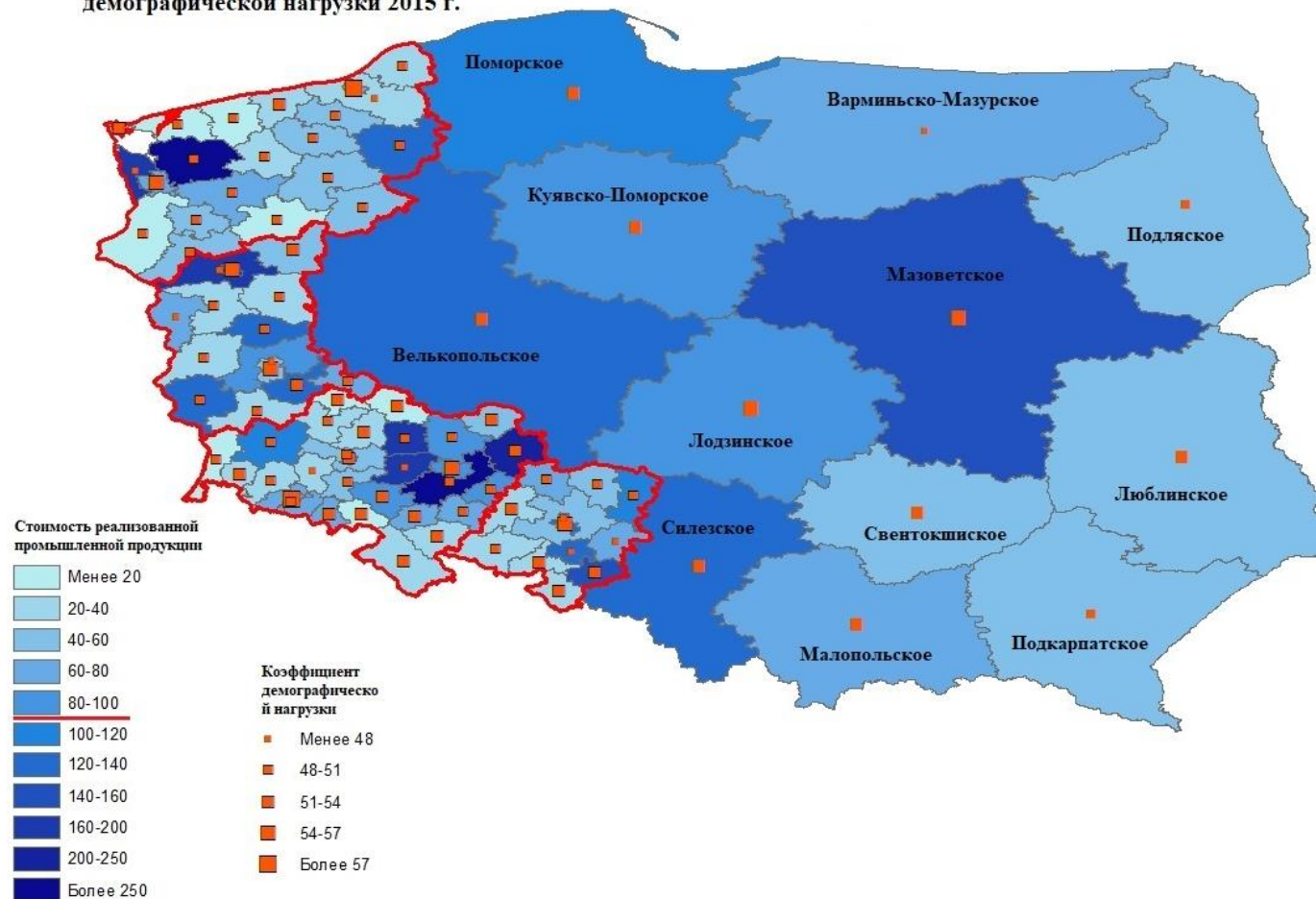
«Естественный прирост 2015 год и миграционное сальдо (среднее) 2001 – 2015 гг.»

Естественный прирост (‰) 2015 г. и миграционное сальдо (среднее) 2001 - 2015 гг.

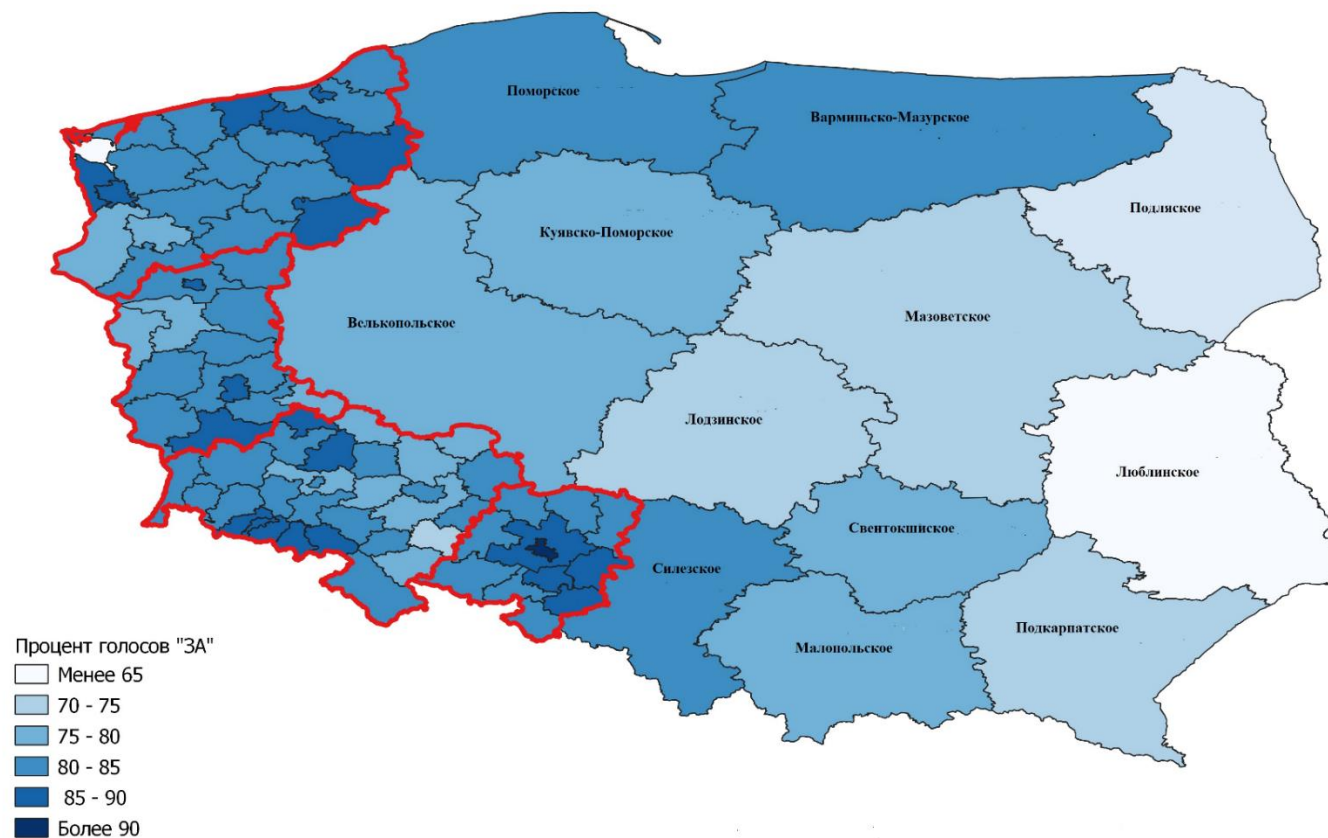
«Стоимость реализованной промышленной продукции на душу населения (Польша 100) и коэффициент демографической нагрузки»

Стоимость реализованной промышленной продукции на душу населения (Польша 100) и коэффициент демографической нагрузки 2015 г.

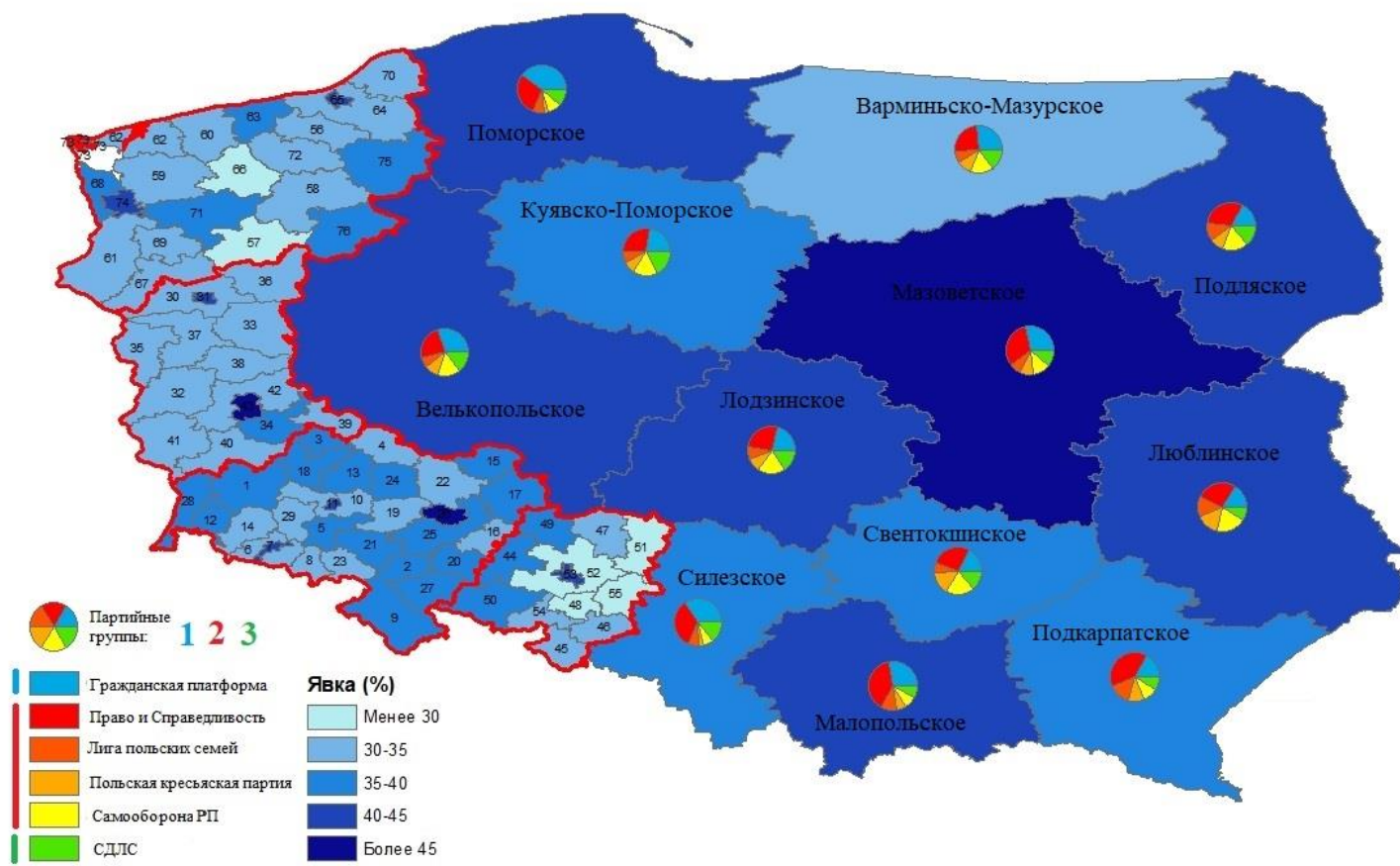

«Результаты референдума о вступлении Польши в ЕС 2003 г.»

Результаты референдума о вступлении Польши в ЕС 2003 г.

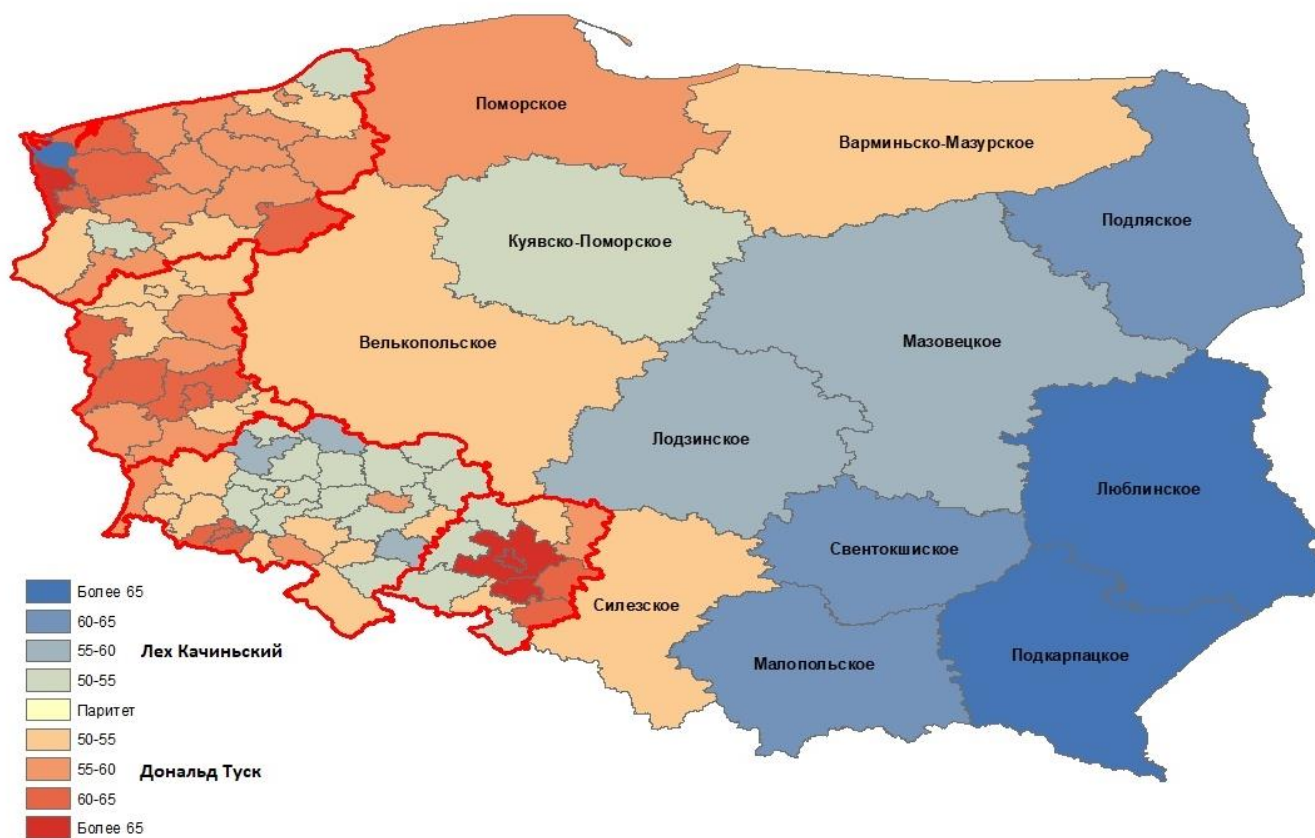

Выборы в Сейм 2005 г.

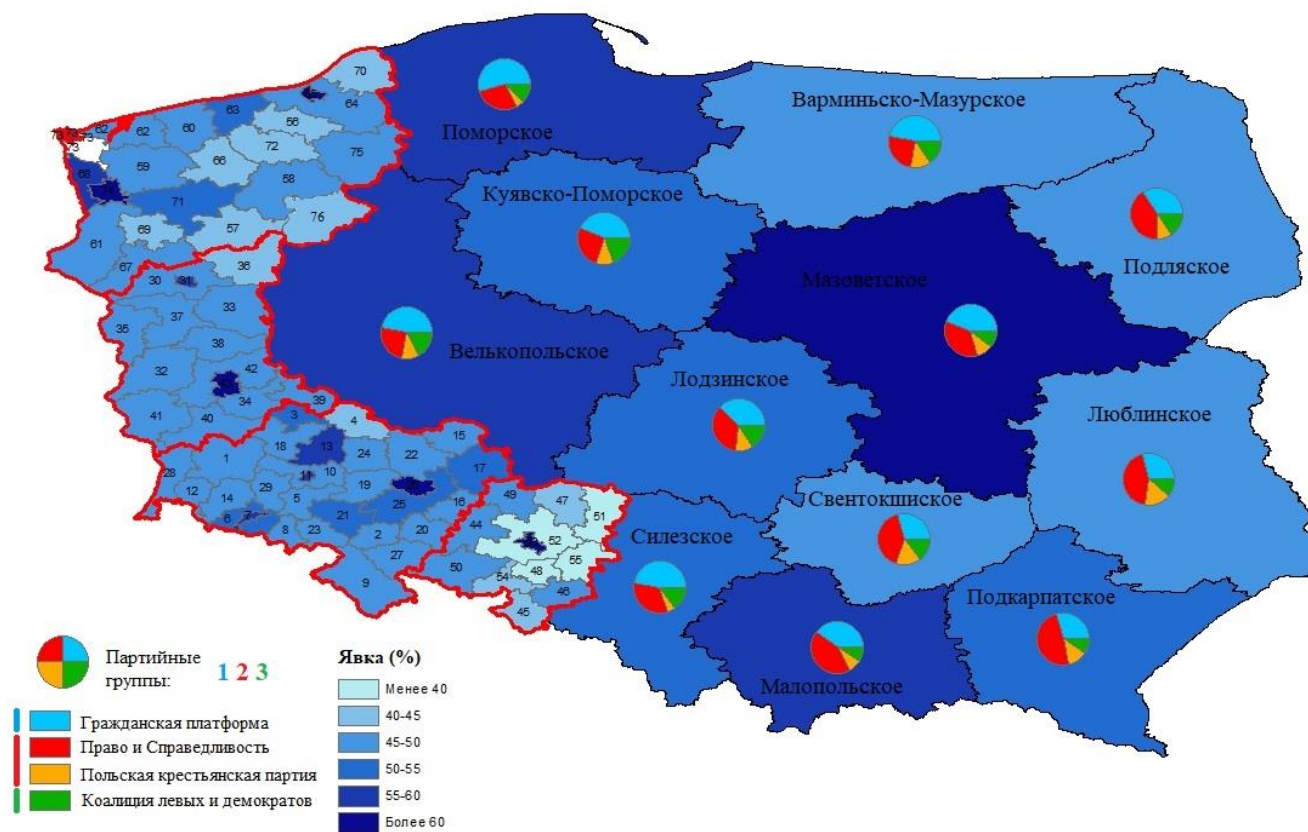
1.Болеславецкий		14.Львувецкий		27.Зомбковицкий		40.Жаганьский		53.Ополе (город)		66.Лобезский	
2.Дзержонювский		15.Миличский		28.Згожелецкий		41.Жарский		54.Прудницкий		67.Мыслибуржский	
3.Глогувский		16.Олесницкий		29.Злоторыйский		42.Зелёноугорский		55.Стшелецкий		68.Полицкий	
4.Гурувский		17.Олавский		30.Гожувский		43.Зелёна-Гура (город)		56.Бялогардский		69.Пыжицкий	
5.Яворский		18.Польковицкий		31.Гожув-Велькопольский		44.Бжегский		57.Хощненский		70.Славенский	
6.Еленегурский		19.Сьродский		32.Кросненский		45.Глубчицкий		58.Дравский		71.Старгардский	
7.Елена-Гура (город)		20.Стшелинский		33.Медзыжечский		46.Кендзежинско-козельский		59.Голеновский		72.Свидвинский	
8.Каменноугорский		21.Свидницкий		34.Новосольский		47.Ключборкский		60.Грыфицкий		73.Свиноуйсьце (город)	
9.Клодзский		22.Тшебницкий		35.Слубицкий		48.Крапковицкий		61.Грыфинский		74.Щецин (город)	
10.Легницкий		23.Валбжихский		36.Стшелецко-Дрезденский		49.Намыслувский		62.Каменьский		75.Щецинецкий	
11.Легница (город)		24.Волувский		37.Суленцинский		50.Ныский		63.Колобжегский		76.Валецкий	
12.Любаньский		25.Вроцлавский		38.Свободзинский		51.Олесненский		64.Кошалинский			
13.Любинский		26.Вроцлав (город)		39.Всховский		52.Опольский		65.Кошалин (город)			

Результаты президентских выборов (2 тур) 2005 г.

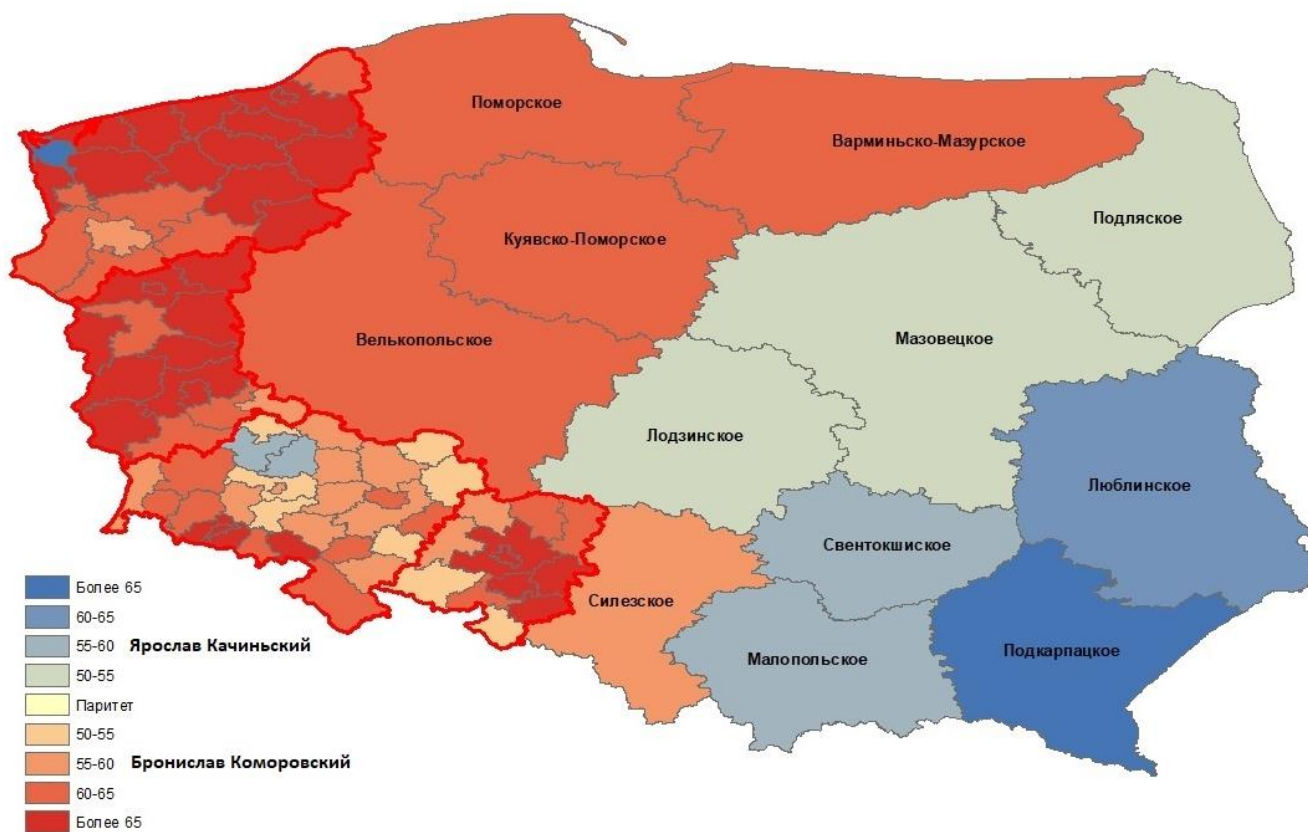

Выборы в Сейм 2007 г.

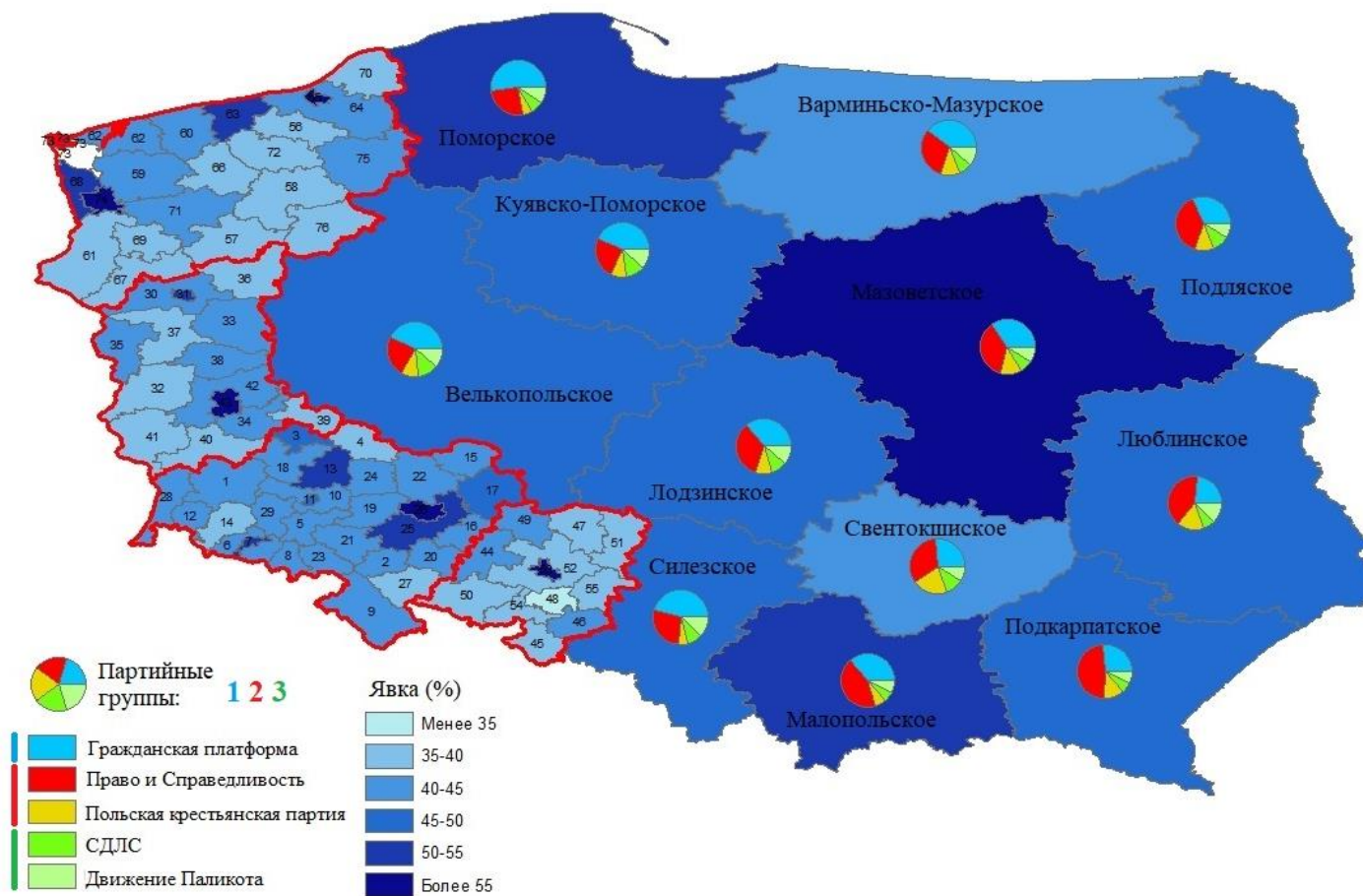

1.Болеславецкий		14.Львувецкий		27.Зомбковицкий		40.Жаганьский		53.Ополе (город)		66.Лобезский	
2.Дзержонювский		15.Миличский		28.Згожелецкий		41.Жарский		54.Прудницкий		67.Мыслибуржский	
3.Глогувский		16.Олесницкий		29.Злоторыйский		42.Зелёноугорский		55.Стшелецкий		68.Полицкий	
4.Гурувский		17.Олавский		30.Гожувский		43.Зелёна-Гура (город)		56.Бялогардский		69.Пыжицкий	
5.Яворский		18.Польковицкий		31.Гожув-Велькопольский		44.Бжегский		57.Хошненский		70.Славенский	
6.Еленегурский		19.Сьродский		32.Кросненский		45.Глубчицкий		58.Дравский		71.Старгардский	
7.Еленя-Гура (город)		20.Стшелинский		33.Медзыжечский		46.Кендзежинско-козельский		59.Голеньовский		72.Свидвинский	
8.Каменноугорский		21.Свидницкий		34.Новосольский		47.Ключборкский		60.Грыфицкий		73.Свиноуйсьце (город)	
9.Клодзский		22.Тшебницкий		35.Слубицкий		48.Крапковицкий		61.Грыфинский		74.Щецин (город)	
10.Легницкий		23.Валбжихский		36.Стшелецко-Дрезденский		49.Намыслувский		62.Каменьский		75.Щецинецкий	
11.Легница (город)		24.Волувский		37.Суленцинский		50.Ныский		63.Колобжегский		76.Валецкий	
12.Любаньский		25.Вроцлавский		38.Свободзинский		51.Олесненский		64.Кошалинский			
13.Любинский		26.Вроцлав (город)		39.Всховский		52.Опольский		65.Кошалин (город)			

Результаты президентских выборов (2 тур) 2010 г.

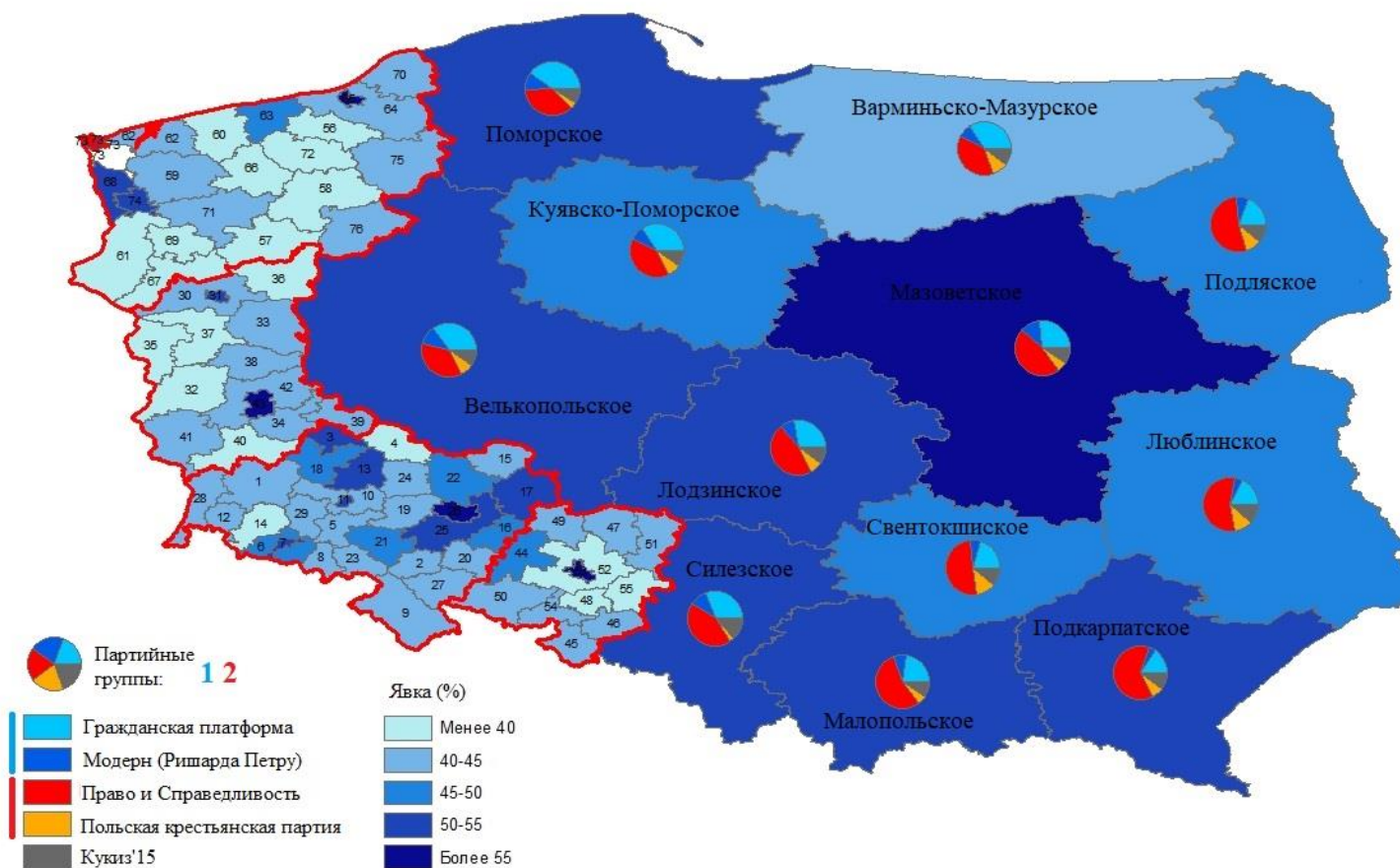

Выборы в Сейм 2011 г.

1.Болеславецкий		14.Львувецкий		27.Зомбковицкий		40.Жаганьский		53.Ополе (город)		66.Лобезский	
2.Дзержонювский		15.Миличский		28.Згожелецкий		41.Жарский		54.Прудницкий		67.Мыслибуржский	
3.Глогувский		16.Олесницкий		29.Злоторыйский		42.Зелёноугорский		55.Стшелецкий		68.Полицкий	
4.Гурувский		17.Олавский		30.Гожувский		43.Зелёна-Гура (город)		56.Бялогардский		69.Пыжицкий	
5.Яворский		18.Польковицкий		31.Гожув-Велькопольский		44.Бжегский		57.Хощненский		70.Славенский	
6.Еленегурский		19.Сьродский		32.Кросненский		45.Глубчицкий		58.Дравский		71.Старгардский	
7.Еленя-Гура (город)		20.Стшелинский		33.Медзыжечский		46.Кендзежинско-козельский		59.Голеновский		72.Свидвинский	
8.Каменноугорский		21.Свидницкий		34.Новосольский		47.Ключборкский		60.Грыфицкий		73.Свиноуйсьце (город)	
9.Клодзский		22.Тшебницкий		35.Слубицкий		48.Крапковицкий		61.Грыфинский		74.Щецин (город)	
10.Легницкий		23.Валбжихский		36.Стшелецко-Дрезденский		49.Намыслувский		62.Каменьский		75.Щецинецкий	
11.Легница (город)		24.Волувский		37.Суленцинский		50.Ныский		63.Колобжегский		76.Валецкий	
12.Любаньский		25.Вроцлавский		38.Свободзинский		51.Олесненский		64.Кошалинский			
13.Любинский		26.Вроцлав (город)		39.Всховский		52.Опольский		65.Кошалин (город)			

Выборы в Сейм 2015 г.

1.Болеславецкий		14.Львувецкий		27.Зомбковицкий		40.Жаганьский		53.Ополе (город)		66.Лобезский	
2.Дзержонювский		15.Миличский		28.Згожелецкий		41.Жарский		54.Прудницкий		67.Мыслибуржский	
3.Глогувский		16.Олесницкий		29.Злогорыйский		42.Зелёноугорский		55.Стшелецкий		68.Полицкий	
4.Гурувский		17.Олавский		30.Гожувский		43.Зелёна-Гура (город)		56.Бялогардский		69.Пыжицкий	
5.Яворский		18.Польковицкий		31.Гожув-Велькопольский		44.Бжегский		57.Хощненский		70.Славенский	
6.Еленегурский		19.Сьродский		32.Кросненский		45.Глубчицкий		58.Дравский		71.Старгардский	
7.Еленя-Гура (город)		20.Стшелинский		33.Медзыжечский		46.Кендзежинско-козельский		59.Голеньовский		72.Свидвинский	
8.Каменноугорский		21.Свидницкий		34.Новосольский		47.Ключборкский		60.Грыфицкий		73.Свиноуйсьце (город)	
9.Клодзский		22.Тшебницкий		35.Слубицкий		48.Крапковицкий		61.Грыфинский		74.Щецин (город)	
10.Легницкий		23.Валбжихский		36.Стшелецко-Дрезденский		49.Намыслувский		62.Каменьский		75.Щецинецкий	
11.Легница (город)		24.Волувский		37.Суленцинский		50.Ныский		63.Колобжегский		76.Валецкий	
12.Любаньский		25.Вроцлавский		38.Свободзинский		51.Олесненский		64.Кошалинский			
13.Любинский		26.Вроцлав (город)		39.Всховский		52.Опольский		65.Кошалин (город)			

Результаты президентских выборов (2 тур) 2015 г.

